

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне-2

(СБОРНИК РАССКАЗОВ)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

**В закрытом гарнизоне-2.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Ковалев В. Н.

В закрытом гарнизоне-2. Сборник рассказов / В. Н. Ковалев —
«ЛитРес: Самиздат», 2006

Служба в подплаве на Краснознаменном Северном флоте. Романтика дальних походов, жизнь и быт моряков-подводников, юмор и сатира. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне-2.

Сборник рассказов

Тайна Анабары

Весна 1973 года. Заполярье.

Через несколько дней мы готовимся к очередному выходу в Белое море для выполнения глубоководных торпедных стрельб новой многоцелевой торпедо – ракетой «Анабара», способной нести ядерный заряд.

Ее погрузку в отсек подводного крейсера производим ночью, по боевой тревоге. Пирс затемнен и оцеплен усиленной охраной. Торпедовоз замаскирован камуфлированной сетью и сопровождается несколькими офицерами. Команды отдаются вполголоса.

Когда серебристое тело «Анабары» вползает в торпедопогрузочный люк и мягко ложится на стеллаж у торпедных аппаратов, общее напряжение всех участников погрузки спадает и сменяется тихой радостью.

Нежно поглаживаем опасную красавицу, способную при необходимости уничтожить целое авианосное соединение. Еще в Палдиски мы готовились к встрече с ней и в совершенстве изучили по проектным документам и отдельным узлам.

Выход в море назначен на утро. Район испытаний – водная акватория у мыса «Х» с глубинами погружения до шестисот метров.

Глубина стрельбы – четыреста метров, дальность – десять миль. Цель – эсминец с командующим Беломоро – Балтийской ВМБ и группой старших офицеров на борту.

Задача считается выполненной, если в момент атаки лодка не будет обнаружена и выпущенная ею торпеда пройдет на расстоянии не более двадцати метров от цели.

Риск – попадание непосредственно в цель, при котором эсминец неминуемо будет продырявлен, учитывая небывалую скорость новой торпеды, и наличие у нее вместо боевого зарядного отделения, сверхпрочного практического. А попадания в свои корабли никакие адмиралы не любят, даже при испытательной стрельбе.

Пять утра. Штиль, легкий туман.

В открытое море из залива субмарину выводят морские буксиры. Провожают нас только бакланы, окропляя вороненую надстройку и швартовные команды, выстроенные на носу и корме атомохода своим гуано, выработанным из остатков нашего же завтрака, выброшенного кем-то из коков за борт. Тихо материмся, поживаясь от временами накрывающих нас соленых брызг и втягивая головы в воротники капковых бушлатов, называемых у нас «прощай родина».

Веселят морские буксиры, задорно подталкивающие атомоход с обеих бортов своими бульдожьими носами, задавал ему нужное направление. Без них нам никак нельзя, поскольку с учетом своих габаритов, ракетоносец может оперативно маневрировать только в условиях открытого моря. Как говорят, – большому кораблю, большое плавание. Это точно о нашей «букашке».

Через час, дав прощальные гудки и бодро постукивая дизелями, трудяги – буксиры уходят. Вокруг открытое море и командир увеличивает ход.

Гул турбин заглушает все другие звуки, противно орущие бакланы исчезают за кормой.

По команде с ходового мостика быстро заваливаем в надстройку швартовные устройства, раскрепляем их по штормовому и спускаемся вниз, на боевые посты.

Через несколько минут ревунами и по корабельной трансляции объявляется боевая тревога. Переборки отсеков наглухо задраиваются. Срочное погружение.

В центральный пост поступают доклады, – глубина пятьдесят, сто, сто пятьдесят..., триста метров. Зависаем на четырехстах. Это наша обычная рабочая глубина. У других лодок она колеблется в пределах от ста до двухсот метров.

Дается полный ход, идем в район выполнения задачи.

Наш полный ход равен скорости курьерского поезда, с той лишь разницей, что развивается он под водой махиной водоизмещением в тринадцать тысяч тонн. Поддоны и приборы на переборках, а также пайолы под ногами, начинают мелко вибрировать.

Гидроакустический комплекс у нас новейшей системы, но не хотелось бы на такой скорости налететь на что-либо твердое, что, кстати, не раз случалось как с нашими, так и американскими субмаринами.

Одну такую, с развороченной рубкой, мы видели в прошлом году в Гаджиево, во время стажировки. Ее экипаж не пострадал, а вот что случилось с американцами, не знает никто. По слухам, наши акустики слышали борьбу за живучесть в отсеках их корабля.

Снова включается боевая трансляция. Говорит командир. Он конкретизирует боевую задачу, уточняет ее детали.

Входим в нужный район, и с этого момента внутри корабля нет отдельных офицеров, мичманов и матросов. Есть единый биологический организм, сросшийся с организмом лодки. Сейчас она и мы – единое целое. Умение мгновенно действовать в экстремальных условиях, за несколько месяцев испытаний стало для нас безусловным рефлексом.

Цель обнаруживаем первыми, на пределе дальности наших гидроакустических станций. Он постоянно маневрирует, используя противолодочный зигзаг. Недалеко от эсминца болтается на мелкой зыби торпедолов. Команда эсминца опытная, отработанная на таких выходах и сделает все, что бы обнаружить нас и не дать себя поразить, а по возможности и условно уничтожить субмарину.

В торпедном отсеке тщательно готовим к выстрелу «Анабару» и аппарат, из которого она впервые ударит по цели.

Кроме нас, здесь же и представители конструкторского бюро, в котором создана торпедо-ракета, флотские военпреды. Каждая манипуляция с оружием фиксируется ими в специальных формулярах. Одновременно идет хронометраж времени, затрачиваемого командой на подготовку к выстрелу. Работаем без суеты, четко и быстро.

Сложность предстоящей стрельбы заключается еще и в том, что помимо ее повышенной глубокowodности (с четырехсот метров) и применения нового типа торпеды, атака цели будет выполняться на предельно высокой – до двадцати пяти узлов скорости, что также ранее не имело аналогов не только в отечественном подводном флоте, но и на флотах вероятного противника.

Волнуемся ли мы? Да, немного. Но внешне это ни в чем не проявляется. За время испытаний корабля экипажу приходилось понемногу гореть и проваливаться на значительные глубины, получать повышенные дозы радиации и задыхаться в отсеках от недостатка кислорода.

Как говорит наш старшина команды Олег Ксенженко, – вся техника новая, пока притрется, жить нам с оглядкой. Да и начальства за это время мы насмотрелись самого разного, начиная от академиков, адмиралов и генералов, и заканчивая старшими офицерами не только флота, но и других родов войск. На этом выходе их тоже не меньше десятка.

В своем подавляющем большинстве это технические специалисты высокого класса, но встречаются среди них и непонятные личности, отличающиеся любовью к лодочным деликатесам, ректифицированному спирту и различным сувенирам.

На сегодняшний день, с учетом их алчности и традиционного флотского гостеприимства, на корабле некомплект канадок, морских биноклей и многого другого, отчего наш всегда

жизнерадостный пройдоха-интендант стал заметно угрюмым и ударился в питье ректификата втемную, то – есть, сам – в каюте.

Тишину отсеков взрывает рев боевой трансляции и голос командира.

– Торпедная атака надводной цели! Третий торпедный аппарат к выстрелу приготовить!

Мыльников репетует команду, и мы выполняем последние операции на приборах аппарата, в котором затаилась готовая к пуску «Анабара».

В следующее мгновение в центральный пост уходит доклад о готовности к выстрелу. Все замерли на боевых постах. Мучительно долго тянутся отбиваемые хронометрами секунды.

Стрельбу мы можем вести как из центрального поста, так и торпедного отсека, автоматически, с компьютерной обработкой стрельбовых данных, или вручную.

«Анабарой» приказано стрелять из отсека вручную – так надежнее.

На полсотой секунде из центрального поста следует команда, – торпедный аппарат, товсь!

И вслед за ней, почти без перерыва, – торпедный аппарат, пли!

Застывший у пульта Ксенженко плавно тянет на себя хромированную рукоять на стрельбовом щитке.

–Есть, пли!

Глухой рев врывающегося в аппарат сжатого до четырехсот атмосфер воздуха, мягкий толчок в корпус субмарины и «Анабара» уносится к своей первой цели.

Доклад в центральный пост, – Торпеда вышла, боевой клапан на месте!

Переключаемся на рубку акустиков, которые также подтверждают выход изделия, но констатируют отсутствие шума его винтов...

Мы понимаем, что это может означать и холодеем от мрачного предчувствия – торпеда не запустилась и ушла из аппарата «холодной». Через несколько минут она всплывет на поверхность без хода и торпедоловом будет отбуксировала на базу.

Там установят причину случившегося и если виноваты мы, командир попросту поотрывает нам головы и будет прав. Такая стрельба позор на весь Флот.

Если что-то напортачила береговая торпедная служба, перестреляемся вновь. В любом случае перспективы хреновые и крупный разнос неизбежен.

Мыльникова вызывают в центральный пост, откуда он возвращается встрепанный и сразу же начинает орать, что мы не торпедисты и в гробу он видел такую команду, место которой на бербазе.

Стоим, понутив головы, молчим.

Накричавшись, Сергей Ильич, добрейшей души, кстати, человек, успокаивается и косясь на меня, приказывает, – Варенья!

Мы знаем маленькую слабость нашего «бычка» – после стресса его неудержимо тянет на сладкое, а после этого – на философию. Так происходит и сейчас.

Опорожнив выданную ему небольшую банку виноградного варенья, Мыльников сообщает, что командующий со страшной силой разнес командира, тот – его, а он, как положено, нас. И что на этом, со времен Петра Великого, держится Флот. Пока будут «драть», даже без вины, он будет только крепчать. Стоит же нас «попустить», мы будем топить не только ценные торпеды, но и сами утопнем.

– Так какой же вывод? – заключает свои сентенции Сергей Ильич, обращаясь к нам.

Набычившись, громадный Ксенженко мрачно изрекает.

– А нам, румынам, один хрен, что самогон, что пулемет, одинаково с ног налит.

Достойный ответ, – ухмыляется старший лейтенант.

«Румынами» на Флоте почему – то издавна называют торпедистов, почему – мы не знаем.

– Ну а сейчас привести аппарат в исходное и готовиться к всплытию, искать торпеду. Не найдем, точно будет нам пулемет.

В словах «бычка» глубокий смысл. Если «Анабару» с отливом унесет в океан – голов нам не сносить, ибо она «сверхсекретная» и стоит бешеных денег.

У нас в распоряжении двадцать четыре часа – на это время рассчитан запас плавучести торпеды, после чего она самозатопляется.

В этом случае комиссия не сможет установить, почему «Анабара» вышла из аппарата «холодной». Позор нам обеспечен на всю оставшуюся службу.

Всплываем без хода, на ровном киле. На последних метрах подъема в отсеке стоит рев, подобный шуму взлетающего лайнера. Воздух высокого давления вытесняет из балластных цистерн забортную воду с силой вулкана, выбрасывающего раскаленную лаву.

В лодке чувствуется резкий перепад давления, в наших головах легкое головокружение.

Из центрального поста следует команда:

– Отбой боевой тревоги! Готовность два! Второй боевой смене на вахту заступить! Личному составу БЧ-3, кроме командира, прибыть на ходовой мостик!

Быстро натягиваем ватники, сапоги и несемся в центральный пост.

Старпом – капитан 2 ранга А.В.Ольховиков, всегда доброжелательно относившийся к минерам, на секунду оторвавшись от работающего перископа мрачно бросает, – быстро, наверх, раздолбаи!

В рубке еще мокро, горьковато пахнет йодом и озоном.

Хотя по теории, озон – составляющая воздуха, без цвета и запаха, запах у него есть и знаком каждому подводнику.

Чуть впереди и выше – на мостике, прильнув к биноклям, в напряжении застыли командир, штурман и военпред. Здесь же рулевой-сигнальщик Серега Алешин, молча сунувший нам в руки еще по биноклю.

Ксенженко докладывает о прибытии. Не оборачиваясь, вполголоса, командир цедит,

– Искать торпеду, смотреть внимательно, об обнаружении доложить.

Выполняем, внимательно обозревая отведенные нам сектора. Аналогичное наблюдение ведется и из центрального поста через перископ. В режиме поиска работают и наши радиолокационные станции.

Однако «Анабары» не видно. В окулярах бинокля свинцовая рябь моря, придавленная низкой облачностью, сливающаяся с туманным горизонтом. Погода явно портится.

Субмарина идет полным ходом, и вой ее турбин глушит все другие звуки на мостике.

В нескольких милях справа и слева от нас, параллельными курсами следуют два эсминца. Прочесываем акваторию полигона по секторам.

Через час глаза, усиленные окулярами бинокля, уже не различают поверхность волн, в них все рябит.

Опускаю бинокль и тут же рык командира.

– Смотреть в бинокль, искать торпеду!

Выполняю, хотя уже не отличаю моря от неба. От напряжения из глаз текут слезы.

С поста РЛС на мостик поступает доклад – По пеленгу 285*, расстояние – 40 кабельтовых, плавающий объект!

Идем к нему. Это всего лишь полузатопленное бревно, вероятно потерянное лесовозом.

Еще через час безуспешных поисков командир отпускает нас вниз. Плетемся в отсек, а в глазах все мелькают серебристые барашки на гребнях волн.

Мыльников, нахохлившись, сидит в кресле вахтенного у «Каштана», вопросительно смотрит на нас.

– Все, товарищ старший лейтенант, – безнадежно машет рукой Порубов, – эта сучка видать утопла, я такое уже видел.

Мы молчим, хотя и знаем, что никаких ошибок при стрельбе не допустили.

Наша БЧ до сегодняшнего дня – одна из лучших на Беломоро-Балтийской базе. На стрельбы, самые разные, в том числе на первенство Северного флота, мы выходили неоднократно и не только на своей, но и на другой лодке, в качестве «подставной команды».

Мичмана – специалисты 1 класса, я 2-го.

Сергей Ильич командует БЧ-3 не первый год и знает свое дело не хуже флагманских минеров. Только теперь все это, как у нас говорят, «по барабану». До тех пор пока не найдем «Анабару» и не установим причину случившегося.

Ищем ее уже более пяти часов. В нашем распоряжении еще часов восемнадцать, не найдем, вина во всем наша, это как пить дать.

В базу возвращаемся через двое суток, измотанные и злые.

Весь экипаж смотрит на торпедистов волками. Кто-то из мичманов – ракетчиков попытался высмеять Ксенженко в кают – компании и по слухам схлопотал по шее.

По приходу, сразу же после швартовки, в отсек вваливается целая толпа различных специалистов, жаждущих первыми установить и зафиксировать нашу вину в потоплении чудо – торпеды.

Через два часа их работы, многократно опрошенные вместе и порознь, мы уже с достоверностью не можем сказать, чем, когда и куда стреляли.

Особенно достается Сергею Ильичу и Олегу, с которыми беседуют представители Особого отдела базы. Это пожилой капитан 3 ранга и курсант военно-морского училища в звании старшины 1 статьи с четырьмя шеvronами на рукаве.

Довольно шустрый и неприятный курсант.

Когда подходит моя очередь, в одной из кают, куда меня вызвали, особист неожиданно предает мне привет от старшего лейтенанта Петрова. Это офицер Особого отдела из Гаджиево, который в прошлом году неоднократно посещал экипаж и знакомился с личным составом. Он пару раз беседовал со мной, интересуясь планами на будущее, и советовал подумать о дальнейшей службе на флоте, обещая свою поддержку.

Однако вскоре мы уехали в Северодвинск, и больше я его не встречал.

В дальнейшем разговоре, в ходе которого курсант делает какие – то пометки в блокноте, мне неожиданно напоминают о драке с морпехами в Палдиски и о конфликте со старослужащими из нашего экипажа в Гаджиево. Затем предлагают подумать и еще раз подробно описать последовательность торпедной атаки, что я и делаю. Задаются уточняющие вопросы, а затем особисты интересуются личностями старшего лейтенанта и мичманов.

Судя по реакции, ответами они недовольны и примерно через час меня отпускают. Спим в отсеке, поужинав холодной тушенкой и галетами.

На следующее утро, вместе с Мильниковым появляется флагманский минер. Мы знаем этого пожилого опытного офицера. На выходе его почему – то не было.

– Внимание в отсеке! – рявкает Олег и, приложив руку к пилотке, докладывает.

– Товарищ капитан 1 ранга, личный состав БЧ – 3 утопил торпеду и готовится к наложению взыскания. Старшина команды, мичман Ксенженко!

– Вольно, – улыбается «флажок».

– И какое же наказание вам обещают?

– От губы до трибунала, – с обидой вздыхает Порубов.

– Что ж, наказание строгое, а вот придется ли его отбывать, мы сейчас посмотрим. Трубу аппарата члены комиссии осматривали?

– Точно так, отдраивали заднюю крышку и светили внутрь переноской.

– А сами в нее лазали?

– Н-нет, озадачено отвечает Мыльников.

– И что вы по этому поводу думаете? – интересуется флагманский минер.

– Торпеды в аппарате нет, чего туда лезть, – меланхолично произносит Порубов.

Раздосадовано крикнув, капитан 1 ранга требует переноску и чистую робу.

Затем, облачившись в нее, приказывает открыть заднюю крышку аппарата, из которого велась стрельба. Выполняем.

Врубив переноску, каприз ловко ныряет в трубу аппарата, а мы озадаченно заглядываем в нее, наблюдая как все дальше удаляется пляшущий свет лампы.

Длина трубы аппарата – почти восемь метров, калибр – пятьдесят три сантиметра. Я забирался в нее месяц назад, очищая пневмомашинкой обтюрирующие кольца и подновляя разъеденный водой в отдельных местах сурик. Затем мичманами с большими усилиями был извлечен из нее, поскольку, одурев от токсичного красителя и недостатка воздуха, самостоятельно вылезти не мог.

Тащили меня за ноги, на которых по инструкции заранее был закреплен крепкий штерт. У флагманского минера его нет. Не дай Бог задохнется, нас с учетом уже имеющихся «заслуг» точно расстреляют.

– Быстро, воздух в аппарат! – командует Сергей Ильич. Вооружаем шланг с воздухом низкого давления и на пару метров запускаем его в трубу. Теперь каприз не задохнется точно. Проходят пять, десять, пятнадцать минут.

Наконец из зева аппарата показываются ноги, в измазанных суриком ботинках.

– Тяните, мать вашу! – хрипит «флажок».

Хватаемся за ботинки и дружно тянем.

– Тише, тише, черти, рассыплю! – загробно гудит из трубы.

– Дед точно забалдел, – шепчет Порубов.

Каприз появляется из аппарата весь мокрый и перемазанный в сурике. В руках он бережно держит лист целлофана, на котором горка серебристой краски, металлизированные стружки и обломок крепежного винта.

Лист осторожно кладем на пайолу, тяжело пыхтящего офицера усаживаем в кресло.

– Кофе, быстро! – приказывает Мыльников.

Через несколько минут, посиневший от холода минер с наслаждением прихлебывает обжигающий напиток и хитро смотрит на нас, ошарашено разглядывающих драгоценные находки.

– Ваши выводы? – обращается он к «бычку».

– При заданной нам скорости хода, торпеду заломало встречным потоком на выходе из аппарата! – чеканит Сергей Ильич.

– Точно так, – подтверждает каприз. Кроме того, здорово пострадал и сам торпедный аппарат. Вызови – ка сюда вахтенного офицера, – приказывает он мне.

Пулей лечу в центральный.

На вахте капитан – лейтенант Толокунский – командир ракетчиков, однокашник и приятель Мыльникова, а также первый на лодке юморист. Здесь же вахтенный мичман и несколько матросов. Все с интересом воззрились на меня.

– Ну, чего прибег, убогий, да еще такой радостный. Никак свою железяку нашли? – вкрадчиво спрашивает каплей.

– Так точно, товарищ капитан-лейтенант, нашли! – бодро докладываю я. – Флагманский минер просит вас прибыть в торпедный отсек.

– Добро, – отвечает Толокунский и мы следуем в первый.

Там нас встречает раскатистый хохот, доносящийся с верхней палубы. Поднимаемся на нее.

Невозмутимый флаг – офицер что-то рассказывает, а стоящие вокруг него Мыльников и мичмана покатываются со смеху.

При появлении Толокунского веселье прекращается и все становятся серьезными.

– Гарик Данилович, пошли подвахтенных наверх, пусть проверят швартовы, будем поддувать лодку, – приказывает капраз.

– Есть! – козыряет тот, – так значит, нашли утопленницу?

– Кое – что нашли, не беспокойся. Это тебе не твои ракеты, которые после залпа бесполезно искать, – подкалывает Толокунского Мыльников.

Через несколько минут командир БЧ-2 докладывает из центрального поста о выполнении приказа и готовности к продуванию носовой группы цистерн корабля. Спрашивает «добро», на уведомление штаба об этом.

– А я тебе, кто, хрен моржовый!?! – сердится обычно спокойный флаг-офицер.

– Выполнять!

Глазок «Каштана» мгновенно гаснет и тут же по лодке разносится ревун учебной тревоги. Задраиваются верхний рубочный и отсечные люки.

В отсеке появляется командир, только что вернувшийся из штаба. За все время эпопеи с «Анабарой», ему так и не дали отдохнуть, но капитан 2 ранга выглядит достаточно бодро и уверенно. Только синева подглазья, да заострившиеся скулы выдают, чего ему это стоит.

Мыльников коротко докладывает командиру по существу выполняемых действий и центральный пост продувает корабль, создав ему дифферент на корму. С пирса докладывают, что крышки нижних торпедных аппаратов вышли из – под воды.

Разблокируем переднюю и заднюю на третьем аппарате, отдраиваем их и флагманский минер с переноской вновь исчезает в трубе. Появляется через несколько минут.

– Переднего обтюрирующего кольца в верхней части трубы практически нет, стесана и нижняя часть ее выходного комингса, – сообщает он Милованову.

– Помнится, что – то похожее уже было в начале 60-х на К -000?, – вопросительно смотрит командир на флаг-офицера.

– Было, но тогда лопухнулись торпедисты, а сейчас, по видимому, конструкторы или база. Твои минеры, Валентин Николаевич, не при чем. Кстати, они молодцы, натиск комиссии выдерживали достойно, – хитро щурится наш спаситель.

– Других не держим, – улыбается командир.

– Служим Советскому Союзу!! – жизнерадостно орет мы.

– Ладно уж, не хвастайте, – пожимает он нам руки. – Впереди повторные стрельбы, смотрите, не подведите.

– Товарищ, командир, Валентин Николаевич! – бьет себя в гулкую грудь Ксенженко, – да мы ее всадим в борт и не ниже!

– Ну-ну, – разрешает командир, – всадите.

Через час, приглашенные на борт члены комиссии документально зафиксировали установленные нами обстоятельства и удалились для доклада в штаб. Все это время флагманский минер, саркастически наблюдал за своими коллегами и незаметно подмигивал командиру.

Отбой тревоги. Корабль приведен в исходное. По трансляции команда – Вахте заступить по швартовному, команде обедать!

– Прошу в кают-компанию, – обращается командир к флаг – офицеру. Коки для вас приготовили пельмени по – сибирски.

Через неделю, на новом выходе, вторая «Анабара», выпущенная из того же, отремонтированного аппарата, прошла в нескольких метрах под килем эсминца с командующим. На фалах корабля взвился сигнальный флаг «Выражаю удовлетворение».

Испытания пошли своим дальнейшим ходом.

Отрабатывались погружения и всплытия на ходу, осуществлялись практические испытания новой звукоподводной связи, выполнялись ракетные стрельбы и еще много чего.

Но часто в кают-компаниях вспоминали историю с «Анабарой». Она, кстати, к нам на вооружение так и не поступила.

Игры настоящих мужчин

После очередного возвращения с моря, а это было накануне воскресенья, замполит нашего подводного крейсера Башир Нухович Сокуров, дабы поднять боевой настрой моряков, организовал в экипаже соревнования по перетягиванию каната.

Этот вид спорта культивировался на флоте издавна и по популярности стоял тогда на втором месте после «забивания козла». Были сформированы две команды, в одну из которых включили личный состав БЧ-5 (механиков), а во вторую мореходов из так называемых «люксовых» подразделений, куда входили минеры, радиометристы, химики и прочая флотская аристократия.

В качестве приза командование выделило ящик сгущенки. Победившей считалась команда, трижды перетянувшая противников.

Боцмана притащили мягкий швартов и растянули по пирсу. Затем с разных сторон за него ухватились атлеты и по знаку замполита стали тянуть в разные стороны. Поскольку с каждой из них действовало по два десятка крепких парней, можно представить, какова была тяговая сила. Швартов натянулся как струна и с переменным успехом медленно полз то в одну, то в другую сторону. Все это сопровождалось криками и улюлюканьем многочисленных зевак с нашей и соседней лодки.

Большинство прочило победу команде люксов, в которой находились все корабельные швартовщики во главе с Ксенженко. Однако ни тут-то было.

Поднаторевшие в таскании кабелей при приеме электропитания с берега, механики оказались сильнее. Через несколько минут канат неумолимо пополз в их сторону. Этим маслопупы не ограничились и по знаку командира БЧ-5 рванули канат в сторону. Часть люксов повалилась на пирс, а остальные во главе с матерящимся Олегом были утянуты за роковую черту. То же самое повторилось еще дважды и механики уже предвкушали победу, когда выяснилось следующее. В то время как мы тупо тянули канат, хитрые механики особо не напрягались, ибо находящийся с их стороны конец оказался закрепленным за одну из уток пирса. Прodelал это трюмный из числа болельщиков, по кличке «Желудок». В результате победа никому не досталась, хотя сгущенку у нас и не отобрали.

Кстати, этот трюмный был весьма оригинальным кадром. За давностью лет фамилию я его запомнил, но отлично помню, что был он москвичом и внешностью напоминал херувима. На этом все его достоинства исчерпывались. Малый отличался ленью, отвращением к воде и небывалой прозорливостью. Но если с первой его начальники худо-бедно справлялось, водобоязнь и чувство голода, у Желудка были неистребимы. Он никогда не умывался и постоянно что-нибудь жевал. Когда экипаж следовал в баню, грязнуля прятался и туда его тащили принудительно. Мыли тоже общими усилиями, награждая зуботычинами. В то же время аппетит Желудка мы всячески развивали, ибо он служил предметом своеобразного развлечения.

Между корабельными обжорами регулярно устраивались негласные соревнования, проводившиеся, как правило, на камбузе. В течение зимы наш Гаргантюа со значительным перевесом победил нескольких соперников из лодочных экипажей и был допущен к встрече с местной знаменитостью. Это был кок-азербайджанец с базового камбуза. В отличие от тощего подводника весил он больше центнера и об аппетите сына гор в матросской среде ходили легенды.

Встреча состоялась после ужина в варочном цехе, когда мы стояли в камбузном наряде. Весь день Желудка держали впроголодь, и он закатывал истерики.

Однако, как только их с коком усадили за стол и перед каждым поставили по полному бачку котлет, успокоился и сразу же проглотил половину из них. Причем это были не те жалкие полуфабрикаты, что подаются в столовых, а настоящие флотские котлеты – сочные, душистые и величиной с небольшой кулак. Размеренно двигающий челюстями кок усилил их ход, но было поздно. С невозмутимым видом Желудок заглотал все оставшееся в его посудине, затем сыто рыгнул и продекламировал, – «еще бокалов жажда просит, залить горячий жир котлет!». После чего прямо из соска выдул целый чайник компота. Азербайджанцу ничего не оставалось, как признать свое поражение.

В казарму мы возвращались затемно, бережно ведя под руки что-то жующего сонного победителя.

Случай в тундре

После второй боевой службы, чтобы не мозолил глаза перед отпуском, начальство отправило меня на несколько дней в морзавод Росляково, где ремонтировались несколько лодок нашей дивизии. Место, прямо скажу, тоскливое и действующее на экипажи угнетающе. Завод, обшарпанные дома на берегу залива и безжизненная тундра вокруг.

Поселившись в свободной каюте на одной из лодок и пообщавшись с командованием, я сошел на берег и, миновав КПП со скучающей «вохрой», направился в сторону поселка.

Оттуда, мне навстречу, по заснеженной дороге двигалась белая «шестерка». Поравнявшись со мной, она встала, и из машины выбрался рослый детина в хромовой канадке и надвинутой на лоб мичманке.

Это был капитан – лейтенант Сергей Лунякин, который ходил с нами в автономку в качестве «приписного» командира ракетчиков.

– ЗдравОво! – пробасил он, – протягивая мне волосатую лапу. Ты здесь каким макарон?

– Да вот, начальство сослало, – пожал я плечами. А ты?

– И меня тоже, – вздохнул Серега. Вместо санатория. Куда двигаешь?

– Хочу на поселок взглянуть, для общего развития.

– Брось, – сплюнул на снег Серега. Дыра. Тут даже кабака нету.

– А ты куда? – в свою очередь поинтересовался я.

– За водкой к буровикам, – кивнул он в сторону тундры. Кстати, ты как, насчет «пустить шапку дыма»?

После нескольких месяцев в море выпить хотелось, и я согласился.

Вскоре мы катили по скользкой дороге в сторону тундры. Со слов Лунякина, километрах в тридцати, впереди по трассе, работала геолого-разведочная партия, и буровикам из Мурманска регулярно завозили водку.

– А в поселке хрен чего возьмешь, – недовольно бурчал Серега. Даже за две цены. Работяги все выжирают с тоски.

Примерно через полчаса мы свернули с трассы на наезженный зимник и «шестерка» запрыгала по колдобинам в сторону темнеющей вдальи гряды сопки. У их подножия стояла гремящая дизелем буровая вышка, неподалеку от которой располагались несколько установленных на санях балков.

У крайнего, с намалеванными на двери буквами «Магазин», мы остановились, вышли из машины и, скрипя по снегу ботинками, поднялись на невысокое крыльцо.

Внутри, в ярко освещенном помещении, за деревянным прилавком скучала краснощекая девица в теплом свитере и пыжиковой шапке. Позади нее, на полках, были разложены обычные в таких местах товары, необходимые для жизни в тундре.

– Привет, красавица, – подмигнул девице, подойдя к прилавку, Серега. Водка есть?

– Имеется, – улыбнулась та. – Вам сколько?

Чтобы не возвращаться, взяли три бутылки «Столичной», а к ним пару банок килек, круг копченой колбасы и серый кирпич хлеба.

– Поехали с нами, – сказал Серега продавщице, укладывая покупки в заранее припасенный пакет.

– Нельзя, – с сожалением вздохнула та. – Я на работе.

– А мы по твоему где? – ухмыльнулся Серега. – Поехали. У меня на базе шампанское и шоколад есть.

– Нет. Как –нибудь, в другой раз, – последовал ответ.

– Ну, как знаешь, – ухмыльнулся Серега, и мы вышли из балка.

В это время со стороны тундры послышались какие-то крики, и из нее показалась несущаяся в нашу сторону оленья упряжка.

– Во, малые народы Севера, тоже как и мы за водкой, – хмыкнул Серега, протягивая мне пачку «Мальборо».

Мы закурили и с интересом уставились на упряжку. Я знал, что на Кольской земле проживают несколько тысяч саамов, но видеть их пока не доводилось.

Между тем упряжка подкатила к балку, с нарты соскочил кривоногий мальчик в меховом балахоне и, не обращая на нас внимания, исчез внутри. А в санях осталась молодая женщина, из-за спины которой на нас с любопытством таращился пацаненок лет шести.

Через несколько минут отец семейства вернулся к нартам с небольшим картонным ящиком в руках, из которого стал извлекать и передавать женщине бутылки с водкой.

– Две, три, четыре... – заинтересованно считал Серега.

Пятую бутылку саам передавать не стал, а, содрав с нее металлический колпачок взболтал и, закинув голову, стал пить из горлышка. Затем, ополовинив посудину, удовлетворенно крякнул и передал ее жене. Та тоже основательно приложила к бутылке, после чего сунула остатки требовательно завопившему ребенку.

А еще через минуту упряжка снова унеслась в тундру...

Воришки

Северодвинск. Беломоро – Балтийская ВМБ. Бригада строящихся кораблей.

Наш экипаж завершает государственные испытания атомного подводного крейсера нового поколения, а между морями обретается в порту, на древней плавбазе «Иртыш».

В один из таких дней, нас с Витькой Допиро вызывают к помощнику командира, который сообщает, что мы назначаемся вестовыми в офицерскую кают-компанию, или как говорят на местном «эрго» – гарсунами.

Эта новость нас не особенно радует, и мы пытаемся отказаться под разными предлогами.

Но помощник непреклонен и уже на следующий день, облачившись в белые курточки, мы с приятелем кормим наших офицеров и мичманов в кормовой кают – компании плавбазы.

Это обширное помещение размером примерно в сорок квадратных метров, с длинным массивным столом в центре и вращающимися креслами вокруг.

Вдоль его стен тянутся мягкие кожаные диваны, в углу стоит пианино, на иллюминаторах бархатные занавески. Рядом с кают-компанией небольшая подсобка (гарсунка), в которой хранятся бачки, термосы, столовые приборы и всякая дребедень, необходимые для кормления офицеров и мичманов.

Понемногу освоившись на новом поприще, мы внезапно уясняем целый ряд выгод для себя. Во – первых, по утрам не нужно бегать на зарядку. Во – вторых, после кормлений остается прорва свободного времени. В третьих – мы становимся обладателями множества всевоз-

можных продуктов, которые не поедают офицеры. Это масло, сыр, печенье и колбаса. Короче, для нас с Допиро наступили золотые деньки.

Мы власть отоспались, питались в основном деликатесами и здорово набрали в весе. Как всякий уважающий себя «гарсун», с помощью умельцев с плавбазы, за небольшую мзду Витька сделал себе несколько флотских наколок и отпустил усы. Один раз в неделю нас увольняли в город, где за полученные от интенданта деньги мы покупали для офицерского стола различные фрукты и сладости. Почти всегда оставалось и на бутылку портвейна, которая распивалась в укромном месте.

После ужина, доставив ребятам в кубрик чего-нибудь вкусного, мы уединялись в кают-компании, где Витька овладевал искусством игры на пианино, а я с увлечением читал «Морские сборники», которые выпрашивал у офицеров. Однако вскоре наша райская жизнь нарушилась.

Стали пропадать вареные яйца, которые мы каждый вечер получали на завтрак для офицеров и мичманов. Хранились они в подсобке, в стоявшем на палубе большом лагуне. Ключи от нее были только у нас. За ночь исчезало до десятка и никаких следов.

По утрам, обделенные полагающимся им по приказу Главкома продуктом, командиры начинали брюзжать и выражать нам свое недовольство, требуя этот злосчастный эмбрион. При чем делали они это не от скупости, а из принципа, положено – отдай. И неважно, что зачастую яйцо не съедалось, оставаясь сиротливо лежать на тарелке. Оно должно быть выдано. Такой вот порядок.

Несколько раз мы выходили из положения, выпрашивая злосчастные яйца у коков на камбузе, однако кражи не прекращались. Неуловимые воры продолжали разрушать наше благополучие.

Ими оказались крысы. В один из поздних вечеров, мы как обычно сидели в кают-компании. Виктор проявлял отснятую накануне фотопленку, а я, сидя на диване и дымя папиросой, размышлял, как изловить вора. Свет у нас был вырублен, а в подсобке горел. Внезапно там послышался какой-то шорох и у стоящего на палубе лагуна, доверху наполненного яйцами, появилась огромная крыса.

Я легонько толкнул приятеля в бок и указал пальцем в сторону подсобки. Поводив уса-той мордой по сторонам, грызун ловко взобрался на лагун и носом столкнулся с него одно яйцо. Затем спрыгнул вниз, обхватил его лапками и опрокинулся на спинку. Тут же откуда-то появились еще две крысы поменьше, которые зубами ухватили ворюгу за хвост и потащили его в дальний угол подсобки. Там вся компания носами затолкала яйцо за отставший плинтус и вновь вернулась к лагуну.

На наших глазах крысы проделали эту операцию еще несколько раз и исчезли, как только почувствовали неладное. Плинтус мы тут же укрепили и долго обсуждали увиденное. То, что эти грызуны очень умны, не новость. Однако, чтобы дать такое представление, нужен и богатый опыт. Не иначе, как та крыса была ветераном судна, может быть еще с военных времен. После этого случая кражи прекратились, но было поздно – «хлебных» должностей нас лишили и вновь водворили на лодку.

Минный ликер

Середина 70-х. Заполярье. Северный флот. Борт подводного ракетноносца «Мурена».

Вернувшись после отработки из очередных морей, готовимся к приему боевых торпед. Их необходимо принять на борт в количестве восемнадцати и в том числе, две с ядерными зарядами. Остальные снаряжены боеголовками с «морской смесью». Поскольку с боевыми торпедами на корабле мы работаем впервые, боевая часть на время погрузки усиливается старшиной команды торпедистов с соседней лодки по фамилии Тоцкий.

Ему далеко за сорок, за плечами десятки автономок и стрельб, так что свое дело мичман знает туго. Об этом свидетельствуют и жетон «Мастер военного дела», а также несколько орденских нашивок на кителе с широкими золотыми шевронами со звездами на рукавах. Кроме того, по слухам, ветеран любитель потравить морские байки в хорошей компании. Короче, живая история подводного флота.

Утро. Залив серебрится под лучами полярного солнца. В конце пирса радостно орут бакланы, пожирая остатки нашего завтрака из мусорных контейнеров. После подъема флага, по боевой тревоге перешвартовываемся к стационарному плавкрану, с которого на лодку и будем принимать боезапас. Тихо постукивают дизеля влекущих нас к громадине крана буксиров, журчит вдоль настройки аквамарининовая зелень воды. Настроение приподнятое. Торпеды опасное и капризное в обслуживании оружие. В 1962 году на лодке 633 проекта в Полярном взорвался боезапас, разнесший корабль почти полностью. При этом сильно повредило соседнюю лодку и погиб почти весь личный состав обоих кораблей. Взрыв был такой силы, что баллоны с воздухом высокого давления этих лодок потом находили в сопках и на крышах городских зданий.

На пирсе, у крана, уже стоят несколько тележек с торпедами, окрашенными в зеленый и серый цвет. Здесь же обслуга, доставившая их с базового склада. В отсеке к погрузке все приготовлено еще ночью – поднят и вооружен торпедопогрузочный механизированный лоток, приготовлено к приему боезапаса все остальное наше хозяйство.

Швартуемся. К лодке подходит пожарный катер. На рубке субмарины взвизывается сигнальный флаг «Веду прием боезапаса», и погрузка начинается.

Общее руководство осуществляет с рубки старпом. Наверху работают Мыльников и Порубов. Внизу, в отсеке, Ксенженко с Тоцким и я. Связь из отсека напрямую включена на мостик.

– Внимание, первая, пошла! – слышится через торпедопогрузочный люк команда «бычка». Двухтонная восьмиметровая сигара, обьятая автоматическим бугелем, висит над люком и ложится на палубный лоток. Выполняю несколько манипуляций на гидропульте и ее серебристый обтекатель показывается в зеве погрузочного люка

– Пошла торпеда вниз! – командует Олег. Репетую – Есть! – и плавно подаю ее в чрево лодки. В отсеке вой и визг гиромоторов лотка, урчанье электродвигателей подвижных торпедных стеллажей, шелканье бугелей. Все это сопровождается веселым матерком и прибаутками мичманов. Погрузка началась явно удачно.

К полудню в отсеке находится половина боезапаса, часть из которого сразу же загружается в аппараты, предварительно приводясь в боевой состояние.

Наверху заминка с подвозом торпед с базы. Перекур.

Вылезает наверх из отдраенного люка первого, по очереди дымим в рубке. Старпом доволен, команда работает четко и значительно опережает нормативы погрузки лучших экипажей «Янки». Нет нареканий и с берега. И это при всем том, что у нас с момента прихода в базу постоянно барахлит гидропривод лотка, стравливая в трюм массу гидравлики и неполадку безуспешно пытаются устранить специалисты плавмастерской.

Временный перерыв командование корабля использует для быстрого обеда. В меню уха, плов, компот и знаменитые булочки с курагой кока Абрамова. Он сует мне их целый пакет, учитывая, что после погрузки в отсек последней торпеды и отбоя тревоги, нам с ними колдовать еще до полуночи. Сашка не бескорыстен, ибо знает, что в этом случае мы разрешим ему поглазеть, как снаряжаются спецторпеды. Это таинство для ограниченного круга, а кок не лишен амбиций. К тому же он жаждет пообщаться со знаменитым Тоцким, который на заре своей службы, якобы тоже был коком.

К двадцати часам весь боезапас в отсеке. Мы валимся с ног. Перешвартовываемся на свой пирс. Отбой боевой тревоги. Свободные от вахты собираются в конце пирса и дружно дымят сигаретами, делясь впечатлениями от погрузки.

После ужина в первый отсек приходит командир и Тоцкий подробно инструктирует нас о правилах подготовки к бою торпед с ядерным боезапасом. Их две. Это обычные электроторпеды СЭТ-60 с акустической системой наведения, но с ядерным зарядом. Любая из них способна уничтожить авианосное соединение на дистанции более 20 морских миль.

После инструктажа приводим все торпеды в боевое состояние, снимая с них несколько степеней предохранения, затем загружаем в нижние аппараты, которые пломбируются. В вахтенном журнале делается соответствующая запись.

С этого момента у трапа, ведущего на торпедную палубу, выставляется круглосуточный пост с вооруженным матросом. Ее, кроме минеров, имеет право посещать ограниченный круг лиц – командование корабля, вышестоящее начальство и офицер особого отдела.

Поблагодарив нас за хорошую работу, командир уходит в штаб. Выполняем последние операции по раскреплению торпед по штормовому, приведению систем и механизмов в исходное. Отсек преобразился. В нем стало теснее от хищных тел торпед, их специфического запаха опасности и чудовищной силы. Вслед за командиром уходит Мыльников, ему заступать на вахту.

– Ну что, Петрович, может, перекусим? – дружески хлопает Олег Тоцкого по спине.

– А почему нет? – милостиво соглашается ветеран.

По знаку Ксенженко спускаюсь вниз и приказываю уже стоящему там вахтенному из первого отсека никого не допускать к трапу, ведущему на торпедную палубу.

– Засыпаем уран в торпеды, усек?! – громко шепчу ему на ухо.

– Усек, – испуганно округляет глаза вахтенный и судорожно хватается за висящий на поясе штык.

– Вот- вот, как только кто сунется, сразу коли!

Поднимаюсь на палубу и заdraиваю люк. В отсеке уже стоит снятый с подволока раскладной стол, и мичмана быстро комплектуют его, чем бог послал. А послал он нам к «тайной вечере» несколько бутылок «Старого замка», батон копченой колбасы, шпроты, консервированный сыр и шоколад. Есть еще несколько банок томатного сока и галеты. Наполняем кружки вином и смотрим на Тоцкого.

– За Подплав, быть ему вечно! – провозглашает он тост. Молча сдвигаем кружки, пьем кислотоватое вино, закусываем. Гудит зуммер отсечного телефона. Снимаю трубку. В ней голос Абрамова.

– Валер, ты? Я вам тут эскалопов нажарил, нести?

– Товарищ, мичман, – обращаюсь к Олегу, кок лично желает угостить нас эскалопами.

– Давно пора, – смеется Ксенженко, пусть тащит.

Отдраиваю люк, свешиваюсь вниз.

– Вахтенный! Сейчас подойдет кок со взрывателями, пропустишь!

– Есть пропустить, товарищ старшина!

Через несколько минут в люк протискивается Саня с картонной коробкой, из которой вкусно пахнет. На стол водружается судок с сочными кусками мяса и жареным картофелем, и несколько пышных, только что испеченных лавашей. Следует еще пора тостов, после чего начинается неизменная морская травля. Вино легкое и располагает к душевной беседе. И она льется неспешно, как это бывает только на кораблях после тяжелых работ и авралов, в кругу близких друзей. Не забываем и молодого, спуская ему толику мяса с хлебом.

– Да, под твою свинину Абрамов, хорошо бы по лампадке шила – заявляет Порубов. – Да его Мыльников в свой шкаф зашхерил, – кивает на отсечный сейф.

– А что, у вас своего нету? – удивляется Тоцкий.

– Верись, Петрович, в данную минуту ни грамма, ну да ничего, сейчас найдем. Ковалев, дуй к ракетчикам, они нам должны! – басит Ксенженко и тянется к телефону.

– Отставить! – смеется ветеран. Шила у вас навалом. Ну, так, где оно? Что подсказывают знания? – хитро щурится Тоцкий, похлопывая по брюху ближайшей торпеды.

– Правильно, в ней есть, – отвечает Олег. Килограммов шестьдесят, но оно же со рвотными присадками ?!

– А что подсказывает опыт войны? – интересуется Тоцкий.

– Что пили его, но как, кануло в лету, никто не знает, – чешет в затылке Олег.

– Обижаешь, мичманец, хищно блестит золотой фиксой во рту Троцкий. Все, что касается минного дела, знаю я, и ношу вот тут – стучит себя по лбу. Вам, салагам, так и быть, расскажу что-то вы мне глянулись.

– Плесни – ка пайкового, – бросает он раскрывшему от удивления рот Абрамову.

Выпив «Замка» и немного помолчав, мичман выдает краткую историческую справку. Начиная с первой мировой войны, при использовании торпед в арктических широтах, в целях надежной работы имеющихся у них механизмов, в торпеды заливали чистейший ректифицированный спирт. У обслуживающих их минеров организмы замерзали не меньше, в связи с чем спирт зачастую, в тех или объемах, выкачивался из торпед и выпивался. А вместо него, в чрева роковых красавиц закачивалась банальная вода.

В результате, при стрельбе такими торпедами, они нередко тонули. Атакуемые корабли, в свою очередь, обнаружив атакующих, топили их. Получаемая от «доения» торпед продукция, в русском флоте называлась «минным ликером» или «торпедухой», и неизменно использовалась и во вторую мировую войну.

Есть основания полагать, что в силу бесшабашности русского характера, наиболее ярко проявляющегося в авиации и на флоте, торпедуху открыли и потребляли только наши моряки. В принципе, суть ее схожа с русской рулеткой, с той лишь разницей, что в первую играли отдельные офицеры и прапорщики армии, а во вторую целые подразделения, а то и экипажи военных кораблей.

В борьбу с этой роковой привычкой, помимо командования и соответствующих органов, активно включились закрытые НИИ, и примерно в начале 40-х годов придумали присадки, напроць исключают потребление минного ликера.

Они превращали великолепный ректификат в тошнотворную смесь, отторгаемую нормальным человеческим организмом. Недостаток разработки заключался в том, что крепость спирта оставалась прежней, и он горел. А по старой флотской поговорке, подтвержденной ни одним поколением военмором, «морьяк пьет все, что горит и дерет все, что шевелится».

В результате торпедуху продолжали пить со всеми вытекающими последствиями.

Ученые снова ринулись в бой и примерно в 50-е годы придумали новую присадку, вызывающую непреодолимую травлю даже у видавших виды закоренелых потребителей минного ликера. Ее называли рвотной присадкой. Торпедушный кошмар был побежден.

Время от времени, как гласят флотские байки, отдельные корабельные умельцы пытались возродить историческую традицию, пытаясь очистить опоганенный спирт с помощью разных кустарных приспособлений. Но, увы, успеха не добились. Морьяк, будь он даже мастер военного дела, против академиков и профессоров неуч.

– Такие вот дела, сынки, – с грустью закончил рассказ Тоцкий.

– И что ж, так и похерили дедовскую традицию? – прошептал со слезой в голосе Порубов. Вместо ответа ветеран хлопнул ладонью по брюху ближайшей СЭТ – 60.

– Традиция жива, я угощаю! Не сдрейфите?

– Обижаешь, Петрович! – гудит Ксенженко.

– Добро! Ключ от горловины, чистую емкость и ИП -46 с запасными фильтрами сюда!

Через минуту все необходимое у ног мичмана. Он ставит емкость – ею служит десятилитровая банка из – под сухарей, под сливную горловину торпеды и быстро «отдает» утопленную в корпус медную заглушку. В банке тонкой струйкой начинает течь жидкость фиолетового цвета со сладковатым запахом ректификата. Когда посуда заполняется наполовину, Тоцкий ввертывает заглушку на место. В банке глянцево поблескивает примерно пять кило этой смеси, при виде которой отпадает любое желание, связанное с ее потреблением.

– Ну, как? – хитро подмигивает нам мичман. – Блевонтин?

– По – моему, хуже, – вякает кок и тут же получает от Олега крепкую затрещину.

– А сейчас будет отличный минный ликер, – поет Тоцкий.

Банка на палубе, над ней перевернутый ИП с отвернутой маской и вынутой из седловины пробкой, а сверху воронка, в которую он осторожно льет «блевонтин» из банки.

На наших глазах происходит чудо. На выходе из нижнего отверстия ИПа, появляется тонкая струйка голубоватой жидкости, похожей на денатурат. Содержимое банки еще раз фильтруем, сменив гипкалитовый патрон в противогазе и через десяток минут имеем не менее четырех килограммов чистейшего ректификата.

Олег осторожно макает палец в емкость и облизывает его.

– Ну, как? – вопрошает Порубов.

– Чистейшее шило. Нам для работы выдают хуже. Ты, дед, великий химик, только без степени, – глубокомысленно изрекает Ксенженко.

– Но запомните, – предупреждает Тоцкий. Больше чем на пять килограммов, доить торпеду нельзя. Запорите.

После этого дегустируем продукт. Пьем по северному, не разбавляя и запивая томатным соком. Спирт ударяет в головы, и мы наваливаемся на снедь, которой еще в избытке. Затем Порубов осматривает отсек и докладывает в центральный пост о результатах. Абрамова отправляем отдыхать – ему готовить завтрак для ночной смены. Я тоже укладываюсь спать на поролоновый матрац за торпедами правого борта, поскольку в восемь утра мне поднимать гюйс и заступать на вахту.

Мичмана тихо обсуждают сегодняшнюю погрузку и строят планы на грядущую автономку. Изредка слышится стук сдвигаемых кружек и кряканье. Засыпаю, как всегда лодке, мгновенно.

Будит меня металлический голос Мыльников, раздающийся из отсечной трансляции

– Королев, подъем! Приготовиться к подъему флага!

– Есть! – ору в сторону «каштана» и его красный глазок гаснет. Выбираюсь из-под торпед.

В отсеке ни следа от ночного пиршества. Уронив курчавую голову на пульт, в кресле командира дремлет Ксенженко. В кресле вахтенного, задрав ноги на направляющую балку, сидит осоловелый Порубов и читает журнал.

Заботливо укутанный шерстяным одеялом, у кормовой переборки на снятых с торпед чехлах умиротворенно похрапывает Тоцкий. Рядом стоит пустая банка из-под минного ликера.

– Да, крепки советские подводники, – бормочу я, вытаскивая из металлической шкатулки сложенный вчетверо военно – морской гюйс. Затем отдраиваю люк первого и поднимаюсь наверх. Свежий воздух пьянит. Утро погожее, без пяти минут восемь. В рубке маячит Сергей Ильич и копошится сигнальщик, готовящий к подъему корабельный флаг. Я привычно креплю гюйс к носовому флагштоку и, придерживая рукой его свернутое полотнище, докладываю о готовности.

На плавбазе, где располагается штаб флотилии, включается метроном. Его размеренный звук будит тишину залива.

– На Флаг, и Гюйс, смирно-о! – разносится по водной акватории усиленный боевой трансляцией голос дежурного по флотилии.

Сидящие на волнах чайки испуганно взмывают в синеву неба.

– Фла-аг и Гю-юйс..., поднять!

На надводных кораблях флотилии звонко бьют склянки, голосят свистки боцманов.

– Флаг и Гюйс, поднять! – репетуют команду вахтенные офицеры подводных ракетносцев.

Краем глаза слежу за полотнищем вздымаемого над рубкой нашей лодки флага и одновременно поднимаю гюйс до клотика.

– Во-о-льно! – разносится над заливом. На Флоте начинается новый день.

Годок

Незадолго до моего увольнения в запас, в наш славный экипаж вместе с молодым пополнением из Ленинградского отряда подводного плавания прибыл матрос, который всех здорово заинтересовал. Во-первых, своей внешностью – по росту и ширине этот коротышка был одномерным, во – вторых дикцией, говорил он мало и невнятно, а еще возрастом – парню было под тридцать.

Впоследствии выяснилось, что его за что-то выперли с последнего курса ветеринарного института, и парень загремел на три года на флот.

Этим сразу же воспользовались юмористы из БЧ-5, куда попал новичок и сообщили тому, что матросам с таким образованием на лодках сразу же присваивают звания старшин. Иди мол, к механику и дело в шляпе. Тем более что и возраст у тебя подходящий. Чем не старшина?

Тот и пошел. Какой разговор состоялся между ним и крайне нервным «дедом» история умалчивает, но от него молодой вышел весь в соплях, и сразу же был препровожден в трюм, убирать гидравлику. А советчики, похлопывая его по плечам, советовали все это так не оставлять и жаловаться замполиту.

Тот этого делать не стал, но через несколько дней снова попал «в историю».

Вернувшись вечером с лодки в казарму и увидев, что несколько старшин возлегли на койки, он тоже взгромоздился на свою, на втором ярусе.

Парня тут же согнали и разъяснили – валяться на койках до отбоя можно только старослужащим (годкам). Малый стал препираться, за что получил наряд вне очереди и кличку «годок».

А еще через некоторое время выяснилось, что он не знает даже азов трюмного дела – помпу не отличает от компрессора, а вентиль от манипулятора. «Маслопупы» во главе с командиром дивизиона возились с ним месяц – ни в зуб ногою. Что делать?

Решили – обкатается в море. Однако на первом же выходе «годок» едва не затопил отсек, открыв не тот клапан и его определили в помощники коку. Чистить картошку, рубить мясо и драить котлы. А когда вернулись, определили в верхневахтенные. Чего проще – стой с «калашом» в канадке у трапа и охраняй корабль.

Однако и тут с «годком» случилась неприятность.

Дело в том, что на всякой лодке, неподалеку от рубочной двери, кроме стационарного, вооружен так называемый шторм-трап. На тот случай, если кто из моряков оступится и свалится за борт. Помимо прочего, верхневахтенному вменялось в обязанность присматривать и за ним, чтоб не сперли. Есть на флоте такой бзик – тащить все, что плохо лежит.

Чего «годку» вздумалось возиться с трапом, осталось тайной, покрытой мраком. Может от скуки, а может чего померещилось. Короче он утопил рожок от автомата. Тот отстегнулся и булькнул в воду. Вместе с патронами. Помощника командира чуть «кондратий» не хватил. В итоге после его матов и бурных дебатов с механиком, за борт спустили штатного водолаза, но, увы.

Тот исползал все дно под лодкой, но кроме россыпей консервных банок, ничего там не нашел.

В итоге «годок» загремел на губу, а корабль лишилась килограммов десяти спирта и нескольких банок пайковой икры. Именно во столько оценили потерю на базовом оружейном складе.

Сразу же после отсидки, посоветовавшись между собой, отцы-командиры списали парня на бербазу – от греха подальше.

Прошло несколько месяцев. Как-то вернувшись с морей, мы сидели в курилке у контрольно-дозиметрического пункта, грелись на солнышке и дымили сигаретами.

– Кореша, глядите, никак наш «годок», – сказал кто-то из ребят, ткнув пальцем в пространство. И точно. По асфальтированному покрытию, тянущемуся вдоль лодочных пирсов, в сторону КДП неспешно шествовал наш герой.

И – «ба!». На его плечах золотились старшинские лычки.

При встрече выяснилось, что он теперь обретается на подсобном хозяйстве в качестве ветфельдшера, где, наконец, нашел свое призвание.

Так что, никогда не знаешь, где потеряешь, где найдешь...

Пилите, Шура, пилите!

На второй оперативной стажировке, в 1977 году, мне довелось проходить практику в учебном отряде надводного плавания в гарнизоне Мамоново, что на Балтике, у выпускника нашей Школы капитана 3 ранга Сильницкого.

Помимо недюжинных оперативных способностей Вадим Петрович обладал здоровым чувством юмора, знал массу веселых анекдотов и баек, в связи, с чем был «на короткой ноге» практически со всеми офицерами части.

Нужно отметить, что во время войны Мамоново был сугубо немецким городом, именовался Халингенбайль и оборонялся фашистами столь же яростно, как и Кенигсберг. А к тому имелись все условия. В городе, на территории нынешнего учебного отряда, у них располагалась танковая школа с новейшей техникой, на побережье залива базировалось соединение надводных кораблей и подводных лодок, а в окружающих Халингенбайль лесах находился глубоко эшелонированный укрепрайон с многочисленным гарнизоном, артиллерией и подземными аэродромами.

Тем не менее, наша армейская группировка, во главе с танковым соединением полковника Мамонова столь успешно захватила город, что отступившие немцы даже не успели взорвать свои основные военные объекты. И в том числе танковую школу, порт, аэродромы, а также находившиеся в лесах фортификационные сооружения.

Естественно, что этим всем воспользовались победители. За исключением окружающих Мамоново лесов. Собрав в них трофейную технику и демонтировав кое-что из обороны, леса признали миноопасными, окружили колючими заграждениями и запретили местному населению посещать их.

Но русский человек от природы любопытен, особенно если рядом что-то запрещенное. Не исключение и гарнизон. Военнослужащие, в первую очередь офицеры и мичмана, стали похаживать в лес, тем более что там было полно грибов, ягод и разнообразной дичи.

Так все и оставалось, на время моей стажировки.

А сделал это отступление я специально, чтоб было понятнее то, о чем расскажу.

В один из дней, после обеда, мы с Сильницким стояли у штаба отряда, где он дискутировал с замполитом и еще несколькими офицерами по поводу состоявшегося накануне матча между московскими «Спартак» и «Динамо». Дискуссия была живой и темпераментной.

В это время из дверей штаба вышел толстый капитан 3 ранга с повязкой «РЦЫ» на рукаве кителя и болтающимся у бедра пистолетом.

– Никак снова дежуришь, Сергеич!? – весело спросил его замполит.

Тот что-то «рыкнул» и хмуро продефилировал мимо группы.

– Пилите, Шура, пилите! – раздался ему вслед чей-то возглас, и все присутствующие взорвались смехом.

«Кап три» вздрогнул, полуобернулся и, покрутив пальцем у виска – мол «чокнутые», двинулся дальше по аллее, затем споткнулся и едва не упал. Хохот усилился.

Я тоже улыбался, хотя ровно ничего не понимал.

Заметив это, багровый от смеха замполит в чине капитана 2 ранга обратился к Сильницкому, – Петрович, ты поведай как-нибудь, своему старшине о нашем Шуре. А то действительно подумает, что мы «того», и тоже повертел пальцем у виска.

– Непременно, – улыбнулся тот, и когда мы вернулись в свой кабинет, расположенный в ближайшей казарме, рассказал следующую историю.

Этот капитан 3 ранга, командир роты рулевых-сигнальщиков, был «притчей во языцех» в гарнизоне. Служил он исправно, но был непередаваемо скуп и всячески старался улучшить свое благосостояние. То разводил помидоры на своем приусадебном участке за домом, чтоб затем продать – они у него померзли. То пытался собирать на берегу моря после шторма янтарь, чтоб реализовать его перекупщикам – едва не унесло морем. Затем стал разводить кроликов – те подошли. Короче не везло.

– Зная такую слабость за коллегой, – повествовал Сильницкий, офицеры часто над ним подтрунивали, предлагая самые невероятные способы обогащения. Один даже посоветовал сдать на выходные в аренду курсантов роты, которой тот командовал, мол председатель соседнего колхоза обещал хорошо заплатить. Штурман обиделся и подал на доброхота рапорт замполиту.

Прошлой осенью, пытаясь реализовать очередную свою коммерческую задумку, наш «купчик», как его тогда звали, пригласил своего близкого приятеля – тоже командира роты, и, кстати, моего помощника, в лес за грибами.

Мол, наберем, засушим и свезем в Калининград. Там кооператоры предлагают хорошую цену. А урожай на них, и особенно боровики, в наших местах в тот год, между прочим, был небывалый.

Сказано – сделано. Экипировались, изготовили примитивные щупы, чтоб на минах не подорваться и двинули в лес.

На опушке, за остатками «колючки», грибы были так себе, расхожие – волнушки да моховики. Белых – единицы.

Побродили там с час – притомились, перекусили, и, приняв грамм по двести спирту для бодрости, решили пойти вглубь.

При этом «купчик» предложил напарнику идти первым – ты минер (тот командовал ротой торпедистов) – тебе и карты в руки.

Пошли. И не ошиблись. Вскоре набили боровиками рюкзаки и прихваченные с собой объемистые полиэтиленовые пакеты. Да вот незадача, заблудились. Бродили – бродили и вышли к старым немецким укреплениям.

А тут ливень. Делать нечего, забрались в какой-то вросший в землю бункер, благо имелся электрический фонарь.

Внутри остатки солдатских нар с заплесневелым тряпьем, на полу несколько касок «фельдграу», пустые разбросанные ящики и коробки от противогазов. Минер сел на какой-то ящик и закурил, а «купчик» стал шариться по бункеру – вдруг, что полезное для хозяйства найдется.

И в углу, под ржавой кроватью, обнаружил запертую металлическую шкапулку. Когда приятели вскрыли ее имевшимся у них туристическим топориком, то обнаружили там пачку полуистлевших рейхсмарок, покрытый плесенью фотоаппарат «Ролленкорд» и матово сияю-

щий граненый слиток. Был он сантиметров десять в диаметре, длиной вдвое больше и весело искрился в лучах света.

– Золото! – прохрипел штурман и прижал слиток к груди.

– Вряд ли, – ответил минер, и офицеры стали внимательно рассматривать находку. По длине слиток имел двенадцать граней, был не по виду тяжелым и клейменым – на торце миниатюрный орел со свастикой.

– А я тебе говорю золото, – вновь заявил «купчик». – Смотри, все признаки налицо: и цвет и вес и клеймо. Я такое, кстати, уже видел у одного из наших офицеров на трофейном серебряном портсигаре.

– Ну и что будем делать? Сдадим государству? Премию получим. Тут килограмма три будет – взвесил на руке слиток минер.

– Ты что, совсем от службы охренел?! – взвился приятель. – Получим жалкие копейки, потом век себе не простим. Такой шанс бывает раз в жизни. Нужно продать. А деньги поделим!

– Ну.., я не знаю...

– А я знаю! У тебя, слышал, знакомый ювелир в «Кенике» есть?

– Да, брат жены.

– Ну вот, все в руку! Через нее установим, какой пробы это золото, сколько за него можно запросить и через кого «толкнуть». Только в гарнизоне не болтай. Ни дай бог до особиста дойдет – сядем.

На том и порешили. Слиток «кап три» сунул в свой мешок, поручив товарищу пока договориться о встрече с родственником.

На следующий день, на конспиративной встрече – продолжил Сильницкий, – «помощник» рассказал обо всем мне. И мы приняли решение не торопить событий, и точно выяснить, что же это за слиток. Ну, а затем действовать по обстоятельствам. Тем более что время не торопило. В ближайшие дни, понукаемый «купчиком» минер созвонился с кенигсбергским ювелиром и договорился о встрече.

Затем выехал к нему, имея в кармане пакетик с несколькими граммами металлических опилок от того слитка, полученных от приятеля.

Как показал проведенный там анализ, золота в слитке не было ни грамма. Присутствовали, латунь, бронза и еще какой-то неизвестный металл. Хотя клеймо действительно имело отношение к банковскому ведомству третьего Рейха. И это не удивительно, к концу войны Германия испытывала хронический недостаток в цветных металлах и считала их стратегическим сырьем. А может быть из таких слитков они собирались чеканить монеты. Кто знает?

Кстати, аналогичное заключение я получил и по своим каналам. Перед поездкой помощник поделился несколькими крупинками «золота».

Короче, никакого «сигнала» заводить не стал.

И тут мой каплей – торпедист попросил «добро» на розыгрыш приятеля. Тем более что после возвращения еще не встречался с ним – того на несколько дней отправили в командировку за молодым пополнением.

– А каким образом? – поинтересовался я, – он человек своеобразный, шуток не приемлет, как бы тебе это боком не вышло.

– Ничего, – смеется каплей. У меня даже сценарий есть. По «Золотому теленку». Там Остап Бендер Шуру Балаганова «развел», предоставив ему делить якобы золотую двухпудовую гирию. Помните его крылатую фразу? – Пилите Шура, пилите, она золотая!

– Ну, что с тобой делать? – развел я руками, – давай, коли так. Для пользы дела. Тем более что проучить нашего штурмана стоит. Очень уж силен в нем дух стяжательства, а это к добру не приведет.

И минер организовал такой розыгрыш, что, как ты видел, памятен и сегодня.

Для начала, посвятив в свой план еще двух отрядных «хохмачей», сообщил вновь испеченному «Корейко», что по заверению ювелира опилки и впрямь золотые, но в целях определения пробы, ему необходим весь слиток.

После долгих препирательств тот согласился передать «сокровище» минеру для вторичного вояжа в Калининград, но предварительно взвесил слиток и заявил, в случае, если тот попытается его «кинуть» – пристрелит.

В очередное воскресенье каплей действительно съездил туда, но, естественно, не к ювелиру, а по своим делам.

А, вернувшись, под всякими предложениями стал уклоняться от встреч с приятелем. Да так, что на их игру в «кошки – мышки» обратили внимание многие сослуживцы.

– Ты что, наверное, задолжал «купчику»? Чего он за тобой носится как борзая?

– Требуется проценты по долгу, – не отрицал минер, – вы ж знаете, какой он скупой.

В конечном итоге капитан 3 ранга прижал его в темном углу и стал укорять в нечестности, требуя разделить слиток и расстаться по хорошему.

– А как сбывать будешь? – сделал круглые глаза минер. – Это ж не картошка. Родственник обещал нам помочь. Но чтоб и его взяли в долю.

– Хрен ему, а не долю, – прошипел «купчик». Давай делить, а то зашибу.

Делить, так делить. Определили место – минно-торпедный кабинет, благо там были слесарный верстак, тиски и все необходимые инструменты. А также время – в пятницу, в 18.00.

А перед этим коварный юморист сообщил о дележе остальным участникам розыгрыша, что б те под разными предложениями наведались в кабинет, вроде бы случайно обнаружили слиток и потребовали взять их в долю.

Так и сделали.

Как только приятели уединились в кабинете и жертва, тщательно вымеряв слиток и подложив под него бумагу (что б ни одна пылинка не пропала), стала елозить тупой пилкой по неподатливому металлу, в запертую дверь кабинета кто-то постучал.

«Старатели» замерли и прислушались.

– Минер, открывай, я знаю, что ты здесь! – раздался из-за двери чей-то голос.

– Не вздумай, – прошипел «купчик».

– Открывай, я на минутку, – продолжал тот стучать.

– Да хрен с ним, пусть войдет, это «химик». Ты ж знаешь, какой он настырный, ни за что не отвяжется.

Прикрыли тиски газетой, открыли.

– Чего зашхерились, наверное, спирт пьете? Я в доле, – пробасил вошедший капитан 3 ранга.

– Какой спирт? Так просто сидим.

– Ну, да, так я и поверил, а это что? – сдернул газету.

– Мать честная, да это ж... золото. Откуда?! Выпучив глаза, уставился на офицеров.

Те стали плести что-то несуразное и выпроваживать химика из кабинета. А тот ни в какую.

– Мы ж друзья, отрежьте и мне грамульку, жене на кольцо.

«Купчика» едва удар не хватил, но что делать. Отказать болтливому химику было нельзя – разрезвонит по всему гарнизону. И злобно матерясь, он отпилит тому немного от слитка.

– На, и двигай отсюда. Да поменьше болтай, сам понимаешь, это не картошка. Тот побожился, что будет нем, как рыба и быстренько покинул кабинет.

Снова закрылись. Брюзжа, «купчик» переметил слиток, и снова стал его пилить. От злости у него дрожали руки, и полотно ножовки лопнуло. Как только его сменили и поменялись ролями – теперь пилил минер, в дверь снова забарабанили.

– Товарищ капитан 3 ранга, откройте, это я, мичман Ящук!

– А этому, какого хрена нужно? – уставился минер на «купчика», – тебя требует.

– Откройте, я знаю, что вы здесь, мне химик сказал! – продолжал орать мичман.

Наученные горьким опытом, приятели вытащили слиток из тисков и, спрятав его в шкаф, открыли дверь.

– Какого х... ты вопишь?! – надел на мичмана штурман, совсем мозги пропил?!

– У нас в роте того, «ЧП» – два матроса подрались.

– Ну, так отправь их на «губу» или учить надо?!

– Есть! Я только хотел доложить. А это что у вас, никак измазались? – тычет пальцем в рукав кителя штурмана. – Блестки то, какие, ну, чисто золото!

– Какое еще золото?! – взвился тот, – пшел вон отсюда, идиот, я с тобой завтра разберусь!

– Ну, ну, – попятился к двери мичман, – завтра, так завтра.

Когда минер запер за ним дверь, «купчика» трясло от ярости.

– Ну, суки, как мухи на мед летят, больше никому не открывай! И на хрен я с тобой связался?

Операцию закончили в полном молчании. Взмыленный штурман спрятал свою долю в заранее принесенный кейс, а затем тщательно собрал все «золотые» опилки, ссыпал их в пустой спичечный коробок и сунул в карман.

– Это тоже мне, за хлопоты и работу. Ну, а дальше будем действовать врозь. Как говорят дружба дружбой, а денежки врозь.

На том и расстались.

А в субботу он рванул на своем «Запорожце» в Калининград. С кем там общался и что делал неизвестно. Но в понедельник явился на службу мрачнее тучи.

Когда в перерыве между политзанятиями зашел в курилку у штаба, где дымили сигаретами офицеры, те встретили штурмана веселым хохотом.

Ничего не понимая, он заозирался вокруг и уставился на минера.

А тот, невозмутимо пуская кольца дыма, вынул из – под лавки свою часть слитка, и со словами, – пилите, Шура, пилите!, – протянул ее штурману...

– Что было потом, объяснять, я думаю излишне, – завершил рассказ Вадим Петрович. – С тех пор, нашего штурмана и прозвали «Шурой». Даже курсанты так между собой кличут. А ему, что с гуся вода. После того случая он занялся сбором цветных металлов.

Сауна с телефоном

В бытность службы одного из моих приятелей в должности оперуполномоченного Особого отдела Краснознаменного Северного флота, в городе Североморске, он повстречал своего однокашника по Высшей школе Алика Альмухаметова. Встрече оба были искренне рады и после обмена новостями, Алик пригласил моего приятеля попариться в корабельной сауне на эсминце седьмой эскадры КСФ, который обслуживал.

Поскольку от такого предложения ни один здравомыслящий моряк не отказывается, тот с благодарностью принял приглашение и они прибыли на эсминец

Там Альмухаметов дал команду механикам включить электротэны сауны и друзья неспешно проследовали в сауну.

Располагалась эта чудесница в одном из корабельных помещений за металлической глухой дверью без каких-либо запоров. Вместо нее в отверстие двери была продета ременная петля, исполнявшая роль клинкетта.

Внутри сауна имела обычный вид за исключением того, что во всех ее помещениях: раздевалке, душевой и даже парилке, на переборках висели массивные хоботы корабельных телефонов. Целых три штуки, больше чем на главном командном пункте эсминца.

Оригинальное исполнение дверной рукоятки и обилие средств связи в таком располагающем к отдыху месте, несколько озадачило гостя и, зная, что на флоте просто так ничего не делается, он заинтересовался у приятеля причинами столь странного дизайна.

Тот в ответ рассмеялся и, пригласив друга в уже раскаленную парилку, рассказал довольно занимательную историю.

Сауна была расположена в помещении, ранее являвшимся на корабле техническим и, соответственно, оборудованном глухой дверью с клинкетным рычажным замком, располагавшимся только с ее внешней стороны.

До поры до времени, посещавшие эсминец высокие гости, командир и офицеры мылись и парились в сауне в свое удовольствие, не испытывая никаких неудобств. Но все хорошее когда-нибудь кончается.

В одну из помывок, внешний клинкетный замок по какой-то известной только ему прихоти самопроизвольно закрылся и закупорил в раскаленной сауне местного капитан-лейтенанта.

Поскольку тэны вырубить было невозможно – они включались только с внешнего электропоста, а наглухо задраенная дверь его усилиям не поддавалась, офицер стал вопить благим матом и пытаться ее высадить. Но куда там! Это ж не какая-то, а рассчитанная на эксплуатацию в условиях плавания, дверь, призванная обеспечить водонепроницаемость переборок. Так, что его жалкие потуги успехом не увенчались. Обессилев, капитан-лейтенант сполз на палубу и стал понемногу вариться, как сарделька на пару.

Но за него, по-видимому, кто-то молился. Проходивший по коридору матрос случайно услышал за дверью какой-то подозрительный писк и не поленился доложить об этом вахтенному офицеру...

Когда недоваренного сибарита извлекли из клубов почти материального пара, заполнявшего помещение, он был весь в соплях, и без сознания.

Как водится, случилась разборка, дело замяли, командир вставил потерпевшему клизму и про этот случай забыли.

– И что вы думаете? На этом все закончилось? Отнюдь.

Второй жертвой коварной двери оказался Альмухаметов.

Все произошло, как и в первый раз, с той лишь разницей, что он не стал орать и суетиться, а сразу лег на «рыбину» в дальнем углу раздевалки, укутав голову мокрым полотенцем, надеясь на чудо.

И оно случилось. На корабле сыграли учебную тревогу, началась беготня и через какое-то время, обратив внимание на работающие в сауне тэны, его тоже извлекли из этой самой душегубки, причем не в самом лучшем состоянии.

Чуть отдышавшись и не стесняясь в выражениях, спасенный контрразвдчик высказал отцам – командирам все, что накопело на душе

– И что вы думаете? Помогло.

Командир приказал срезать автогенном клинкетный замок и оборудовать дверь вот этой самой петлей. А в каждое помещение поставить по телефону.

На всякий случай.

Сказ о косоглазом Штирлице и его кураторах

История, которую я предаю гласности, имела место быть много лет тому назад, в советском ВМФ. И произошла она с моим хорошим знакомым, заслуженным флотским адмиралом. Вот что он поведал.

«В ту пору служил я в штабе Тихоокеанского флота, в муторной должности первого заместителя начальника разведки флота. Стаж был невелик, поэтому я не был в курсе всех канонів и установлений.

На какое – то время оказался ВРИО начальника разведки, ибо штатный шеф куда – то убыл, то ли в отпуск, то ли по какой иной причине, не упомяну. По существующей организации я был хотя и «первым», но общим замом, и не имел никакого касательства к информации по закордонной агентуре. Да и не стремился совать туда свой нос. В то же время понимал, что с «абелями, штирлицами и штюбингами» там не густо.

И вот... приходит ко мне второй зам и кладет на стол бумагу, – прошу утвердить. Это был План вызволения провалившегося закордонного разведчика (китайца) в родное Советское Отечество.

После очередной доработки план подлежал отправке в Москву в вышестоящие инстанции. Я долго и внимательно вникал в суть столь непривычного документа и, наконец, изрек.

– Ну, а я... какое к нему имею отношение? План ваш, так и отправляйте.

– Это не совсем так, – вкрадчиво возразил второй зам. По нашим канонам план должен быть утвержден начальником, а Вы «ВРИО», следовательно и должны утверждать.

Путем наводящих вопросов и дополнительного изучения я уяснил, что, судя по резолюциям неизвестных мне чиновных начальников из центрального аппарата ГРУ, сей план дорабатывается уже в седьмой раз.

Из них следовало, что каждый новый вариант документа лучше прежнего, но «подлежит доработке в 1,5,9, 13 и т. д. пунктах...», что влечет его «путешествие» в Москву и обратно поездом со спец курьером и оплатой солидных командировочных расходов. Отправлять же план самолетом категорически запрещено. Ферботтен.

Я прикинул: – туда, на поезде – полмесяца, точнее одиннадцать суток. «там» неспешное рассмотрение стратегами – недельки две, обратно – еще полмесяца. Семь доработок в своем штабе... Итого, планируют «вызволить» уже около полутора лет.

– И что? Этот документ гуляет по штабам полтора года? – удивился я.

– Считайте больше, два, – скромно потупился зам. Что поделаешь, таков порядок...

– А как же наш человек, ведь он там ждет помощи ?!

– Да, мы делаем все от нас зависящее, почему Вам и следует утвердить план.

Суть же оказалась в следующем. Во времена оные, когда отношения между маоистским Китаем и брежневским Союзом были окончательно испорчены, (вспомним бои на острове Даманском) деятельная разведка ТОФа «засунула», (надо полагать, морем), этого разведчика – нелегала в Гонконг, так сказать, для ведения глубинной разведки. А для его материально – финансового обеспечения в указанном городе загодя заложила два тайника с валютой.

И вот... лихой разведчик Сунь-Хунь-Чай (фамилия вымышленная, но события реальные), почувствовав свободу, ударился в загул по кабакам и притонам, с «оттопыренным» карманом. Вскоре он был схвачен английской контрразведкой МИ-5. Ее ребята подержали Суня, как зайца за шиворот на весу и поняли, что для британской короны он опасности не представляет, после чего вытряхнули вон. Одновременно взяли «под колпак». Обретя свободу, Сунь вновь ударился во все тяжкое, благо честные британцы изъятый у него остаток валюты вернули. А когда карман с ней усох, наш незадачливый разведчик отправился ко второму тайнику. А там... о, боги! Не оказалось ни тайника, ни моста, под которым он был заложен. Оказалось, что в период бурного строительства после культурной революции, трудолюбивыми китайцами был снесен целый квартал.

И косоглазый «штирлиц» сел на мель, превратившись в бродягу. Однако, помня науку старших братьев о помощи в беде, повадился бегать в порт, где завидев судно с красным флагом подходил к трапу и жалобно скулил:

– Товалиса! Я есть советская стирлиса, лазетчик. Я холосый, Москва – шибко шанго, Пекин – пухао. Шибко хотю к своей куня.

А вахта у трапов: – Пошел вон, косоглазая харя!

Капитаны судов, однако, прибывая во Владивосток, неизменно докладывали:

– Там болтается какой-то. Говорит, что ваш. Примите к сведению. А дальше..., дело уж ваше...

– И крутится там уже два года?! – ужаснулся я.

– Чуток поболее, – подтвердил второй зам, неопределенно пожав плечами.

– Ну, знаете ли! Не буду подписывать никакой план, – возмутился я. Это же издевательство над всем и вся! Свяжите меня с край управлением КГБ.

Спустя примерно неделю мне сообщили – согласовано. Начальник Управления примет. Поехали. Я представился и изложил проблему. Коллега подумал и нажал привинченную к столу кнопку. На вызов явился какой-то молодой джентльмен стилижьего вида: грива, узкие брючки, остроносые туфли (что тогда было в диковину), немыслимо яркой расцветки галстук и носки.

– Вот. Займитесь с ним, – кивок начальника в мою сторону.

– Почему все я, да я, – возопил стилияга. Если хотите знать, товарищ начальник, у меня отгулов на два месяца!

– Ладно, ладно, – поморщился шеф. – Сказано, займитесь. Что неясного?

... Вышли в отдельную комнату. Я изложил суть проблемы.

– Ладно. Сделаем, – пыхнул душистой сигаретой стилияга.

– А как?

– Это уж наше дело, – засмеялся смежник.

Прошло примерно две недели. Звонят. – Поезжайте, возьмите вашего косоглазого. – Где? – В Ульяновском леспромхозе, это возле Охотска...

Взяли. Доложили в Москву. Там возмутились. – Как это?, без утвержденного плана!

– Да пошли они на ..., – огрызнулся я.

Спустя некоторое время было принято решение – привлечь китайца к уголовной ответственности «за измену Родине и разбалтывании англичанам гостайн». Дело возбудили, расследовали и направили в Хабаровский краевой суд. А оттуда ответили, – ваш китаец не имеет советского гражданства. Судить мы его не имеем права. И не будем.

Вот и конец этой истории. Так сказать, хэппи энд».

Куба, любовь моя!

О том, что в начале шестидесятых годов прошлого века в мире случился Карибский кризис, не знает только ленивый. И в чем он заключался, тоже известно – СССР, тайно разместил на Кубе свои ракеты, а еще направил к берегам острова Свободы несколько подводных лодок с ядерным боезапасом.

А где ж тут юмор, удивится читатель? И зря, он везде, где появляется флот. И хотя в тот раз наши славные подводники на остров не попали, занимательные истории по этому поводу были.

Вот одна из них. Дело в том, что Кубу наши военные моряки раньше уже навещали. Но не в своем прямом качестве, на боевых кораблях и с помпой, а тихо, под видом гражданских специалистов. Осматривали заранее приготовленные к «дружескому визиту» лодок пирсы и другие элементы инфраструктуры, сооруженные кем-то на острове для базирования советских субмарин.

Все очень понравилось и хозяевам и гостям. А как не показать красоты дивного острова южных морей, которые описывали великие писатели?

Показали все и вся. Вот только по так называемой «культурной программе», то – есть с сопровождающими и избирательно. А русские моряки, особенно офицеры, все любят смотреть самостоятельно и вживую. Менталитет такой.

Вот и решили несколько из них, кто помоложе, понаблюдать кубинцев, а точнее кубинок в свободной обстановке, не роняя чести и достоинства советских офицеров, то биш без пьянки и мордобоя.

Встал вопрос где? В рестораны и другие увеселительные заведения ходить им было категорически запрещено. Вот и решили мореходы двинуть на один из пляжей, что был неподалеку от гостиницы, где их разместили.

Хозяева не возражали, а для возможного общения с аборигенами выделили им переводчика по имени Педро. Разбитного и смешливого парня.

Утром, облачившись в шорты и плотно позавтракав, вся компания в его сопровождении двинулась на пляж.

Боже мой! Что это было за место! Золотой песок, раскидистые пальмы, голубое теплое море! И ... сотни, сотни молодых кубинок в неглиже, при виде которых экскурсанты даже несколько растерялись. Еще бы. Красота креолок, а женщины острова в основном были этой породы, широко известна в тропических широтах. Так же, как наших в северных.

Но ближе к делу. Преодолев несвойственную морякам растерянность, наши быстренько разделись (не полностью, конечно) и стали услаждать себя пляжными радостями купаться, загорать, а главное, созерцать юных кубинок.

И те отвечали взаимностью. Принимали соблазнительные позы, громко смеялись и махали парням руками.

А затем вдруг, некоторые из них, самые разбитные и веселые, стали показывать офицерам кукиши. Да-да, именно те кукиши, за которые в России можно нарваться на грубость, а то и получить в морду.

Парни опешили. Такое доброжелательное, многообещающее поведение, и вдруг... русский кукиш? Что за хрень?!

Оглянулись на переводчика, а тот так и прыскает со смеху.

– В чем дело, Педро?!

И переводчик, в прошлом выпускник университета имени Патриса Лумумбы, что в Москве, рассказал, что столь обидевший наших моряков жест, у кубинок является знаком дружеского расположения и даже призыва к любви.

Вот такие, понимаешь дела.

Несколько озадаченные мореходы сразу же оживились и стали с еще большим интересом созерцать веселых красоток.

И о чем, интересно, они думали? Точно. Именно о том, что и ты.

Мораль для советского человека превыше всего. И никаких кукишей!

Абдула и Тарапунька

В подразделении морской контрразведки, где мне пришлось служить в конце восьмидесятых, многие офицеры отличались чувством здорового юмора и всегда были рады забавному случаю, шутке или розыгрышу. А, как известно, на флоте их всегда предостаточно.

Расскажу о двух.

Первый произошел с нашим коллегой из соседнего подразделения капитан – лейтенантом Сашей Лазебным, считавшимся лихим опером, но, как говорят «без Бога в голове».

Он постоянно попадал в различные истории, не все из которых приветствовались начальством.

В ту осень Лазебный готовился к выходу в свою очередную автономку и был в прекрасном настроении.

Экипаж ракетного крейсера, с которым ему предстояло идти в поход, был хорошо отработан и надежно опутан созданной Сашей конспиративной сетью.

К тому же адмирал, от которого он только что вышел, остался доволен докладом капитан-лейтенанта о проведенной на корабле перед выходом работе и прозрачно намекнул о повышении в звании после возвращения.

Как было не радоваться?

Даже погода в этот день удалась на редкость погожей.

По существующему правилу, на лодку оперработник прибывал за несколько часов до отхода, на начальничьем УАЗе.

Однако Саша не торопился и вместе с нами балагурил на площадке перед отделом, тем более, что было время обеденного перерыва.

– Не пора ли тебе на лодку, паренек, – поинтересовался пунктуальный в таких делах мой наставник капитан 3 ранга Петров.

– А куда мне спешить, без меня не уйдут! – смеется Лазебный. Старпома предупредил, чтоб позвонил нашему дежурному. Через пять минут после звонка я на борту. Вахтенный! – обращается он к стоящему на крыльце матросу, – с триста седьмой меня не спрашивали?

– Никак нет, товарищ капитан-лейтенант!

– Смотри у меня, не проворонь! – бросает ему Саша и начинает травить очередную байку.

В это время кто-то из присутствующих замечает лодку, следующую по заливу в сопровождении буксиров к выходу из базы.

– Не твои ли это уходят, Саня? – показывает он на корабль.

Некоторое время Лазебный пристально вглядывается в проходящую субмарину, а затем, матерясь и размахивая зажатой в руке шкатулкой с шифрами, бросается к стоящему на площадке дежурному УАЗУ. Как всегда в таких случаях, тот не заводится, и из машины слышатся вопли и стелания разъяренного капитан-лейтенанта.

Наконец двигатель запускается, и автомобиль, подпрыгивая на ухабах, уносится в сторону базы.

Через несколько минут, вслед за величаво скользящей по глади залива подлодкой, на всех парах несется разъездной катер. Поровнявшись с ней он сбрасывает ход, и по сброшенному с корабля штурмтрапу, оскальзываясь и держа шкатулку в зубах, Саша карабкается на его борт.

– Это никак Лазебный снова чудит? – басисто раздается за нашими спинами.

Оборачиваемся. На крыльце отдела стоит наш начальник, контр – адмирал Худяков, с заместителем.

– После возвращения наказать! – бросает Василий Ефимович заму и величаво шествует мимо нас к своей «Волге».

Героем второго происшествия стал один из заслуженных ветеранов отдела, капитан 3 ранга Мариоз Галимович Габидулин, по кличке «Абдула»

Однако в отличие от Лазебного, который пострадал от собственной безалаберности, он стал жертвой розыгрыша своего близкого приятеля, капитана 3 ранга Василия Мефодьевича Гуменюка, имевшего прозвище «Тарапунька».

К слову, оба наших ветерана отличались неистощимой фантазией в такого рода делах и подшучивали друг над другом постоянно, причем иногда довольно жестоко.

В последний раз их «пикировка» закончилась в пользу Гуменюка и состояла в следующем.

Во время обеда в кают – компании Габидулин на несколько минут отошел к вестовым, и в это время Гуменюк высыпал ему в рассольник почти весь перец, находившийся в розетке со специями.

Ничего не подозревающий Галимыч вернулся к столу и поскольку был голоден, успел хлебнуть несколько ложек этой адской смеси, прежде чем почувствовал ее вкус. Глаза его вылезли из орбит, а из перехваченного спазмой горла стали вырываться нечленораздельные звуки, отдаленно напоминающие человеческую речь. Затем капитан 3 ранга рысью выскочил в умывальник и вернулся оттуда с красным как помидор лицом.

– В чем дело? – невозмутимо потребляя рассольник, поинтересовался Мефодьевич, – обжегся, что ли?

– Ну погоди хохол, ты еще не так ошпаришься, дай время, – просипел Габидулин, с опаской принимаясь за второе блюдо.

– Кхы, кхы, кхы, – захлебывается смехом Гуменюк.

Уже через час, как ни в чем ни бывало, приятели весело балагурия, допекают Колю Матяева за отпущенные им рыжие усы. Но мы знаем, что Габидулин в долгу не останется и с нетерпением ждем, как он расквитается с Гуменюком.

Происходит это через несколько дней, в момент, когда Мефодьевича неожиданно вызывает адмирал по какой-то срочной надобности.

Уходя, он забывает закрыть сейф, что немедленно используется Галимычем.

Капитан 3 ранга достает из ящика стола яркую новогоднюю хлопушку, запиховает ее под кипу лежащих в сейфе дел, а ее шнур укрепляет на внутренней стороне дверцы по принципу растяжки, после чего, подмигнув мне, невозмутимо занимается писаниной.

Через некоторое время в кабинете появляется что-то напевающий Мефодьевич с папкой в руках, подходит к сейфу и распаховывает его дверцу. Следует оглушительный взрыв, сопровождающийся снопом огня, дыма и воплем перепуганного Гуменюка.

В кабинет вбегают ничего не понимающие сотрудники отдела Матяев с Минченко, за ними появляется начальник – капитан 2 ранга Лисицын.

– Что тут у вас за война? – спрашивает он, невозмутимо дымя сигаретой.

– Да вот, – указывает Габидулин на обсыпанного разноцветным конфетти приятеля, – разной херни в сейф напихал, а она взрывается, работать мешает.

– Ну, как же так, батенька, поосторожней надо быть, – назидательно произносит начальник и уходит к себе.

На несколько минут в кабинете воцаряется тишина, а затем все начинают хохотать.

– Твоя взяла, татарин, – хрипло произносит Гуменюк, стряхивая с лысины конфетти.

– Это тебе Вася за перец, ты уж не сердись, – ласково бормочет Габидулин, продолжая работать с документом.

И вот он уходит на боевую службу.

В отличие от Лазебного, Мариоз Галимович как всегда хмур и сосредоточен. Он несколько раз сам звонит на лодку и уточняет время выхода.

На доклад к Худякову ему идти к пятнадцати часам. Мы посещаем камбуз и, отобедав, возвращаемся в отдел. Там Габидулин еще раз проверяет содержимое своей секретной шкапулки, после чего запирает ее в стол.

– Миша, а чаю, ты взял? – обращается к нему Гуменюк. Мишей он называет приятеля в периоды благодушия, которые наступают между ними после очередной подначки.

Габидулин хмурит свои густые брови и на минуту задумывается.

– Взял, но запас не помешает.

– Ну, так докупи в кафе, туда как раз цейлонский привезли, – заботливо произносит Гуменюк.

Как только приятель уходит за чаем, он стучит кулаком в стену и в кабинете появляется капитан-лейтенант Дятчик с молотком и несколькими гвоздями, которые они быстро заколачивают в нижнюю планку стола, находящуюся под ящиком со шкапулкой.

После этого Веня исчезает, а Мефодьевич, напевая что-то про Галю, которую козаки увезли с собою, расхаживает по кабинету, время от времени поглядывая в окно.

Минут через десять появляется Габидулин с десятком пачек чая в пакете и на пробу сразу же заваривает одну из них.

– Миша, а ты не опоздаешь на доклад? – интересуется Гуменюк и смотрит на часы. Уже половина третьего.

– Не твоя забота, выйду без пяти, чего спешить, – бурчит Габидулин, прихлебывая чифирь.

Ровно в указанное время он отпирает ящик стола и пытается его выдвинуть. Ничего не получается. Капитан 3 ранга прилагает более значительные усилия и отрывает у ящика ручку.

– Заклинило, наверное, – участливо произносит Гуменюк из-за своего стола, еле сдерживая смех.

На мгновение их глаза встречаются, и Галимычу все становится ясно.

Бешеным усилием он переворачивает массивный стол и несколькими ударами ноги разбивает нижнюю фанерную часть ящика, из которого выдирает злосчастную шкатулку.

На шум, как ни в чем не бывало, в кабинет заходят Дятчик, Воронин и Минченко, по постным лицам, которых ясно, что они в сговоре с Гуменюкам.

Хрипя что-то по татарски, Габидулин расталкивает их и рысью выскакивает в коридор.

– Кхы, кхы, кхы! – заливается своим непередаваемым смехом Мефодьевич, наблюдая как приятель резво мчится к Особому отделу флотилии.

– Все равно опоздал, щас ему Ефимыч вставит фитиль! Это тебе не хлопушка!

От адмирала Габидулин возвращается действительно не в лучшем настроении, и в кабинете разыгрывается вторая часть драмы, теперь уже в словесной форме.

Впрочем, ко времени убийства Галимыча на корабль, он остывает и даже прощается с Гуменюком за руку. Друг Вася им прощен. До возвращения из автономки.

Наука Эдика

В свое время, после флота, я учился в морской группе Высшей школы КГБ, которая в советские времена готовила бойцов невидимого фронта.

В период одной из сессий, на втором курсе, произошел довольно забавный случай, который многим из нас памятен поныне.

В числе прочих, мы сдавали экзамен по военной подготовке, которую у нас – моряков, вел капитан 1 ранга Эдуард Андреевич Иванов. Это был бессменный опекун и наставник всех без исключения морских групп, со времени их создания в ВКШ. При всей своей любви к нам, Эдуард Андреевич был достаточно строгим преподавателем и по флотским наукам гонял нас как сидоровых коз.

Особенно доставалось бывшим сухопутчикам, которым они давались с трудом.

В числе последних был и бывший авиатор Володя Слепнев, по прозвищу «казак», поскольку он действительно был таковым и происходил из знаменитой станицы Вешенской, что на Дону.

Обладая взрывным темпераментом и недюжинной силой, Володя, тем не менее, был одним из самых доброжелательных слушателей нашей группы, всегда готовым прийти на помощь товарищу, за что пользовался уважением.

Накануне экзамена, в нашей комнате откуда – то появилось несколько литров медицинского спирта, скорее всего полученного кем-то из ребят из дому. Так как экзамен по военной подготовке был завершающим, мы решили спирт употребить после его сдачи.

Первыми «отстрелялись» мы с бессменным отличником Васей Нечаем и, вернувшись в общежитие в самом радужном настроении, наполнили веселящим напитком графин, в кото-

ром обычно находилась вода. Нашелся в общих запасах и солидный шмат сала, который приехавшие вслед за нами одnogруппники Саня Екименко и Володя Мазаев дополнили привезенными с собою хлебом и овощами.

Наскоро организовав стол, мы без промедления выпили по четверти стакана, закусили и стали ждать остальных. Каждый вновь прибывший встречался радостными возгласами и той же мерой спиртного. Последним, весь в мыле приехал взъерошенный Слепнев, который заявил, что «Эдик» (так между собой мы звали Эдуарда Андреевича), мордовал и гонял его до седьмого пота, но поставил «хорошо».

В комнате раздались бурные овации и, поскольку Володя явно нуждался в допинге, здоровенному «Казаку» набулькали полный стакан. Едва он его взял, как открылась входная дверь и в комнату неспешно проследовал начальник первого факультета полковник В.Г. Кузнечиков, сопровождаемый начальником нашего курса полковником Н.М. Андреевым. Все вскочили со своих мест, а Слепнев застыл у стола с судорожно зажатым в руке стаканом.

– Сидите, сидите, – благодушно пророкотал Кузнечиков. Ну, как экзамен, надеюсь на уровне?

– Точно так, товарищ полковник, – проблеяли мы, с трепетом ожидая неизбежного разоблачения.

Однако начальники продолжали доброжелательно улыбаться, ошибочно отнеся наши покрасневшие физиономии к трудностям военной подготовки.

– Слепневу наверное досталось больше всех, вон как вспотел, – включился в разговор Николай Михайлович, – чего тянешься, вижу, что в горле пересохло, выпей водички батенька, – кивает он на стакан.

– А-ага, – просипел Вовка и неотрывно глядя на полковников, высосал все содержимое из него.

– Ну, отдыхайте, ребята, заслужили, – подвел итог Кузнечиков и начальство покинуло нас, величественно направившись дальше.

Несколько минут в комнате стояла мертвая тишина, нарушенная заплетающимся голосом Слепнева.

– А все – таки, наука Эдика, это поэма...

Весеннее томление

В 1973 году наш экипаж, завершая государственные испытания новой подводной лодки, обретаясь в славном городе Северодвинске и жил на широко известной всем тогдашним подводникам Заполярья плавбазе «Иртыш».

Май в том году был небывало солнечным, теплым и будоражил молодые матросские организмы. Но в силу загруженности, в увольнение начальство пускало нас изредка и нехотя.

В результате, в этот период весеннего томления мы научились делать брагу и тайно потребляли ее в укромных местах. Наставниками выступили моряки плавбазы за небольшую мзду, в виде нескольких пластин плексигласа и эбонита, которые мы принесли им с завода. Оказывается, ушлые парни давно освоили это производство и успешно пользовались его плодами.

Суть заключалось в следующем. Практически на всех боевых постах плавбазы, а также верхней палубе, были развешены пенные огнетушители. По ночам местные умельцы разоружали некоторые из них, стравливая пену за борт и в трюм, а сами емкости выпаривали кипятком.

После этого в емкость заливалось несколько трехлитровых банок яблочного сока, засыпались сахар и дрожжи. Перевооруженный огнетушитель водружался на штатное, как правило,

находившееся в тепле место, и в течение недели в нем созревала крепчайшая военно-морская брага. Однако попользоваться чудным напитком пришлось недолго.

В одном из небрежно закупоренном «бражном» огнетушителе, давлением забродившего напитка сорвало крышку. Причем висел он на солнечной стороне надстройки верхней палубы судна и «взорвался» в самый неподходящий момент – при подъеме флага. Последствия были весьма плачевные.

Так как виновных не нашли, всех без исключения моряков плавбазы лишили увольнений на месяц, нам для профилактики тоже сократили их до минимума.

Примерно в это же время, не иначе как под влиянием полярной весны, в нашем славном экипаже произошло ЧП, едва не закончившееся трибуналом для его участников. Суть заключалась в следующем.

В один из дней штурманская боевая часть с командиром группы и старшиной команды выехала в Архангельск для получения навигационных приборов на флотских базовых складах. Все необходимое им выдали без проволочек и, поскольку время еще оставалось, лейтенант и мичман отправились в город, предоставив моряков самим себе. А что делает в таких случаях истинный североморец? Правильно. Ищет приключений.

Для начала парни достали у местных аборигенов «шила» и по братски распили его. Затем двинулись на железнодорожный вокзал на людей посмотреть, и себя показать.

Там к несчастью стоял ждущий отправления на Ленинград поезд со студенческим строительным отрядом, в котором было много симпатичных девчат. Поскольку весна в головах и «шила» в желудках настраивали на поэтический лад, ребята решили приударить за несколькими приглянувшимися им девицами. Студентам, которые тоже были навеселе, это не понравилось.

В итоге возникла потасовка, в ходе которой наши орлы Антоненко, Гордеев, Корунский и Лука здорово отметили инфантильных питерцев.

На шум драки прибежали два сержантских патруля, попытавшихся унять буянов и доставить их в комендатуру. Не тут-то было. Разошедшиеся штурмана отлупцевали и патрульных. Причем темпераментный гагауз Лука, которому разорвали форменку до пупа, вконец озверел и, намотав на руку ремень с бляхой, стал загонять в вагон всех студентов, которые еще не успели сбежать.

Спасли положение инструктора-десантники из ближайшей учебки, вызванные избитыми патрульными. Их привалил целый грузовик, в кузов которого, после непродолжительной схватки и позабрасывали бесчувственные тела сильно помятых, но непобежденных романтиков. В учебке их определили на местную гауптвахту, откуда подоспевшие командиры вызволили «героев» без лишнего шума.

Впрочем, шум был. Уже в экипаже все участники побоища были посажены на свою родную, морскую гауптвахту.

Помимо Вани Луки в команде у нас служили еще двое ребят из Молдавии – Володя Дараган и Витя Будеев. Это были веселые и добродушные парни. Но если Будеев был скромн и рассудителен, то Дараган отличался бесшабашностью и удалством. Он был любимцем замполита, так как активно участвовал в выпуске стенгазеты, а также корабельным почтальоном. Своим положением почмейстера Витька дорожил и никаких посягательств на эту должность не терпел. Но весна и с ним сыграла злую шутку.

Как всякий молдаванин, Дараган был неравнодушен к вину. А его в городе было навалом. Особым успехом пользовался у моряков дешевый и крепкий портвейн «Три семерки». И каждый раз, следуя на почту за корреспонденцией, а затем возвращаясь на базу перед обедом, лукавый молдаванин приносил в своем почтовом чемодане несколько бутылок портвейна, купленного для нас на заранее собранные деньги. Их содержимое употреблялось за обедом, причем довольно хитро. Из чайников с компотом отливалась часть напитка, а вместо него залива-

лось вино. И все это выпивалось под маркой компота, иногда даже в присутствии дежурного офицера или мичмана.

Но как говорится в известной пословице «Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал...».

Все хорошее, когда-нибудь, да кончается.

Был понедельник, день политзанятий. С учетом тихой солнечной погоды их проводили на причале, у борта плавбазы. Присутствовали все свободные от вахты моряки, чинно восседая на расставленных в ряд корабельных банках.

Замполит – капитан 2 ранга Башир Нухович Сабилов, что-то гортанно вещал по поводу милитаристской политики США, а мы походя записывали его умные мысли в тетради, дремали и грезили ожиданием обеда.

Вдруг сзади раздались какие-то перешептывания и тихие возгласы. Оборачиваюсь и вижу следующую картину.

По пустынной территории от КПП вдоль пакгаузов, в нашу сторону неверными шагами движется какая-то вихляющаяся фигура с висящим на плече чемоданом. Это был смертельно пьяный Дараган.

Не обращая внимания на сидящую недалеко от трапа команду и напевая что-то на непонятном языке, он, оступаясь и бранясь на крутом трапе, карабкается по нему на судно и исчезает из поля зрения.

– ?!!

Передав конспект с тезисами помощнику, вслед за Витькой по трапу взлетает взбешенный Башир Нухович.

Еще через несколько минут из крайнего носового иллюминатора, за которым находилась каюта замполита, раздался рев и стали вылетать и плюхаться за борт бутылки с заветным напитком.

– Одна, вторя, третья... пятая, – заморожено считали мы.

Всего было выброшено с утоплением девять бутылок. Еще через некоторое время по трапу, теперь уже вниз, в сопровождении дежурного мичмана понуро продефилировал Дараган, облаченный в робу, сапоги и бушлат.

– На губу..., – прошелестело по рядам.

Так закончилась эта винная эпопея и карьера великого почтальона. А служба покатила дальше.

На флоте бабочек не ловят

На испытаниях в Белом море, на борту нашего атомохода, который мы ласково окрестили «Букашкой», постоянно находилось множество самых различных гражданских и военных специалистов.

Судя по поведению отдельных, которые располагались в каютах, они не были обременены сколь –нибудь серьезными обязанностями, в связи с чем зачастую находились в состоянии легкого подпития и бесцельно слонялись по кораблю.

Один из них взял за правило посещать командирский галльюн, располагавшийся на средней палубе первого отсека, что не доставляло нам, торпедистам, радости. Обычно он появлялся во время моих вахт, рано утром и поздно вечером, причем во второй половине суток заметно «уставший».

В одно из таких посещений, едва передвигающий ноги куратор не смог отдраить дверь галльюна и, направившись к находящейся в носу средней палубы акустической яме, попытался справить туда малую нужду. К счастью не успел. Я сгреб его за ватник и без лишних слов отшвартовал во второй отсек. А ребята оттуда, выкинули в третий, поближе к начальству.

Каково же было мое удивление, когда следующей ночью, сменившись с вахты и поднявшись в рубку выкурить сигарету, я увидел этого «спеца» в форме капитана 1 ранга, мирно беседующим на мостике с несколькими офицерами. Он скользнул по мне взглядом, но, по видимому, не узнал. Тем не менее, судьбу испытывать я не стал и быстро ретировался из рубки.

Как правило, ходившие с нами в море специалисты, были воспитанными и доброжелательными людьми. Однако и среди них встречались и «блатные», которых приходилось ставить на место, причем порой довольно необычными способами. Один такой случай помню и сейчас.

В тот выход на борту было значительно меньше прикомандированных, чем обычно. По каким причинам, я сейчас запамятовал. Среди них выделялся своим амбициозным поведением и грубостью в общении с личным составом, прибывший из Москвы молодой капитан 3 ранга, представлявший одно из штабных подразделений ВМФ.

По слухам он был родственником какого-то влиятельного сановника и не скрывал этого. Отношения с офицерами корабля у штабника сразу же не сложились, что породило неприязнь к нему и у остальной команды. Не знаю, кто был инициатором, но рьяного москвича решили проучить. Причем по – флотски, с юмором.

Дело в том, что, судя по поведению, капитан 3 ранга в основном обретался на берегу и мало знал об особенностях службы на подводных лодках.

Одной из них было умение пользоваться лодочным гальюном. В отличие от своих береговых собратьев, он был не просто туалетом, а довольно сложным техническим устройством, которое в совершенстве должен был знать самый зеленый матрос. Как оказалось, штабник его не знал, за что и поплатился.

За несколько минут до посещения им хитрого устройства, трюмные умельцы «по тихому» наддули баллон командирского гальюна сжатым воздухом и закружили стрелки контрольных манометров. Ничего не подозревающий капитан 3 ранга вошел в него, справил нужду и легкомысленно нажал на педаль смыва...

Из гальюна мы его извлекли контуженным, мокрым и дурно пахнущим. А, как известно, любые запахи на лодке распространяются мгновенно. И пока благоухающий начальник икая и пуская соплю чапал до находящейся в кормовых отсеках душевой, его сопровождали веселые взгляды и реплики, многочисленных, сочувствующих наблюдателей. Но на этом его мучения не закончились. Душевая оказалась запертой на замок, а ключ от него, куда-то испарился. Пришлось московскому гостю вызывать по «Каштану» механика из центрального. Тот вздрючил своих «духов» и ключ притащили.

А тут новая неувязка – внезапно забарахлили водонагревательные тэны и пришлось тому капитану 3 ранга мыться холодной водой. А она по температуре, чуть теплее забортной. Короче получил тот деятель по полной программе. А экипаж вволю повеселился.

Кстати, в первом отсеке до конца выхода он больше не появлялся.

Самоделкин

Ребята в нашем экипаже были в основном веселые и разбитные. А почему бы нет? Служба была почетной и интересной, отцы – командиры не обижали, одевали с иголки, кормили до отвала. Чего еще желать молодым незакомплексованным парням? Вот и проявлялись самые различные таланты. По интересам. У кого к музыке, спорту, различного рода творчеству, которыми всегда славился флот, а порой совсем уж неординарные – технические. Об одном таком «самородке», своем тогдашнем приятеле, я и расскажу. Был он старшим матросом и звался Валерой Тигаревым.

В наш славный экипаж, еще в Эстонии, мы попали в одно время, только из разных учебных отрядов.

По специальности Валера был ракетчик и еще тогда обратил на себя внимание недюженными знаниями в области радиотехники и телемеханики. Починить телевизор, магнитофон или транзисторный приемник для него было плевое дело, и скоро в команде Тигарев стал известен как непревзойденный «самоделкин».

Многие офицеры, мичмана, и не только наши, пользовались его услугами когда у них выходила из строя бытовая техника. А их жены потихоньку развращали – неизменно угощая чем-нибудь горячительным и разного рода деликатесами. Автор этих строк сам неоднократно распивал с Тигаревым по ночам, принесенный им из «ремонтных» вояжей по гарнизонным квартирам марочный портвейн, а то и коньяк.

Любимым занятием «самоделкина» в свободное время, являлось изучение самых различных схем, технических пособий и устройств, которые в избытке имелись на корабле. Короче он читал все и вся из этой области.

Порой доходило до курьезов, офицеры-ракетчики, а иногда даже флагманские специалисты бригады, обращались к нему за консультациями по вопросам устройства, обслуживания и работы нового стартового комплекса корабля.

Ну, так вот, незадолго до прибытия на него государственной комиссии, мы готовились к очередному выходу в море для выполнения практических ракетных стрельб по Новой Земле. Перед ним заводские специалисты тщательно проверили все ракетное хозяйство и установили, что в системе охлаждения ракетных шахт недостает почти тонны спирто – водной смеси. При осмотре самой системы, был обнаружен разблокированный электромеханический кодовый замок, через который злоумышленники и умыкали ценное сырье. Об этом сообщили представителям конструкторского бюро, которые монтировали хитрое устройство. Они подтвердили факт отключения замка, но не смогли определить, каким образом это было сделано – следов взлома на нем не было.

В это же время, проведенное на лодке с пристрастием дознанием установило, что замок вскрыли умельцы из БЧ-2, а конкретно Тигарев, по просьбе старослужащих.

Сначала отлили пару килограммов для себя, затем для мичманов, и пошло-поехало. Систему потихоньку «доили» почти месяц. Не скрою, что минеры тоже получили свою долю.

Командование естественно возмутилось и хотело нашего «самоделкина» предать суду военного трибунала. Но не тут-то было.

Когда представители режимного КБ побеседовали со злоумышленником, то пришли к единому мнению, что перед ними самородок типа Ломоносова, место которому не в дисбате, или на подводной лодке, а как минимум в МВТУ им. Баумана. Тем более, что с перепугу Валера подсказал им техническое решение по какому – то злободневному вопросу, над которым ученые мужи корпели не один месяц.

В результате утечку пополнили, а Тигарева поощрили и отправили в краткосрочный отпуск на родную Вологодчину, где он с радости закуролесил и попал в милицию. А там стал доказывать, что задерживать его нельзя, он мол, известный конструктор. Менты не поверили, и он кому-то из них врезал по морде. В итоге загремел в места не столь отдаленные. Не помогло даже поручительство выезжавшего на суд представителя экипажа.

– Золотая голова, да дураку досталась, – философски прокомментировал тот случай наш командир.

Ловелас

На протяжении пяти лет мне довелось служить в разных качествах в одном из морских соединений Заполярья.

Как любой закрытый гарнизон с достаточно рутинной службой, пусть даже и морской, в бытовом плане соединение жило достаточно весело и бесшабашно.

В ресторане и на квартирах постоянно отмечались проводы и встречи экипажей кораблей, уходящих на боевую службу или возвратившихся с нее. Остававшиеся по несколько месяцев без любимых мужей, офицерские и мичманские жены порой нарушали супружескую верность, даря свою любовь их сослуживцам, находящимся на берегу. Отдельные такие ловеласы имели сразу по несколько пассий. В их числе был и начальник местной спецполиклиники, в чине полковника медицинской службы, который менял любовниц из числа медперсонала, как хирург свои перчатки.

Обо всех этих художествах мы – офицеры контрразведки были прекрасно информированы, но в дела морали не вмешивались, оставляя их на откуп политотдельцам.

И вот наш Казанова, пресытившись очередной наложницей, дает ей отбой и заводит себе новую.

Вопреки обыкновению, дамы не ссорятся, как это водится в любовных романах, а решают проучить любвеобильного начальника. Делают это довольно оригинально.

Когда после амурных забав с новой подругой в ее квартире, приняв изрядную дозу спиртного, полковник засыпает, девица впускает в нее свою подругу, и они выбрасывают пьяного начальника на лестничную площадку. Из одежды на нем только часы.

В это же время с верхнего этажа спускается группа подгулявших офицеров, которые принимают несчастного за гомосексуалиста и, немного попинав, сдают его проходящему рядом с домом патрулю. Тот, в свою очередь, доставляет горемыку в комендатуру, где он помещается в камеру, а бдительным дежурным в соответствующем журнале делается запись «В 23 часа доставлен пьяный неизвестный, без одежды и в часах. Со слов начальника патруля л-та Охлобыстова, ломился в дверь чужой квартиры. По объяснениям граждан, вызвавших патруль – явный гомосек» (приводится дословно).

Вполне возможно, что утром проспавшийся медицинский бог смог бы без последствий «по тихому» покинуть свое случайное пристанище, однако вмешался случай.

Дело в том, что после 23 часов, помимо прочего, дежурному по Особому отделу вменялось в обязанность обзванивать дежурных по флотилии, дивизиям, спецмилиции и комендатуре, в целях получения информации о всех происшествиях, случившихся в гарнизоне.

Наиболее серьезные из них заносились в журнал и утром докладывались руководству, которое при необходимости организовывало их проверку.

В ту ночь дежурил кто-то из оперативников капитана 2 ранга Виля, подразделение которого помимо прочего, обслуживало комендатуру.

Получив оттуда информацию о задержании неизвестного, наш дежурный приказал срочно установить его личность. Для вытрезвления последнего, в комендатуру вызвали врача поликлиники, который с ужасом узнал в пациенте своего начальника. Дежурный офицер сразу же доложил об этом нашему коллеге, зафиксировавшему полученную информацию в журнале. Утром, в числе прочих, она была доложена адмиралу. А тот как раз, собирался на Военный совет к командующему.

Что уж там произошло, история умалчивает, но в гарнизоне полковника больше не видели. Наверное, в Москву перевели.

Пьяное озеро

В тот год осень в Заполярье была необычно красива. Покончив с делами в особом отделе флота я, вместе с приятелем, капитан-лейтенантом Толей Ворониным, на его «шестерке» возвращался из Североморска в свой гарнизон. Ехать до него было не близко, но мы не спешили. Через сутки предстоял длительный выход в Атлантику и хотелось немного побыть на природе. Миновав КПП с полосатым шлагбаумом, мы выехали на извилистый, тянущийся вдоль залива серпантин, и направились по нему на север. С каждым километром ландшафт менялся и ста-

новился все более диким. Слева, вплотную к дороге, подступали темные гряды сопок, за которыми в тундре холодно синели озера, высоко в обесцвеченном небе, к югу, неспешно тянули разноголосые птичьи стаи.

– Десять лет на Севере, – а к осени все не привыкну, – сказал Воронин. Особенная она тут.

– Да, – согласился я с приятелем, после чего мы закурили и надолго замолчали, каждый думая о своем.

Километров через сорок, углубившись в пустынное море тундр, решили остановиться и перекусить на берегу открывшегося за очередным поворотом озера. Оно блестело внизу под обрывом и выглядело весьма живописно. Остановив машину на небольшой площадке у скалы, мы вышли из нее и, прихватив из багажника морскую плащ-палатку и пакет с продуктами, купленными в военторге, стали осторожно спускаться вниз.

Вблизи, окаймленное негустой порослью из золотящихся на солнце карликовых березок, озеро оказалось еще красивее. Расстелив плащ-палатку у большого замшелого валуна, неподалеку от которого виднелись следы старого костра, мы быстро организовали импровизированный стол и, выпив коньяка, принялись с аппетитом закусывать.

– А ты знаешь, как называется это озеро?, – спросил у меня приятель.

– Да вроде Пьяное, – неуверенно ответил я.

– Точно, – кивнул он головой. А почему?

– Не знаю, – пожал я плечами. Может быть из-за воздуха.

– И не только, – рассмеялся Анатолий. Вот послушай.

Лет пять назад, перед самым Новым годом, из Североморска в Полярный решили завезти машину водки. Где-то под сотню ящиков. А накануне ударила оттепель и дорога стала что каток. На том самом месте, где мы встали, грузовик занесло, он не вписался в поворот и с обрыва сорвался прямо в озеро. Водитель каким-то макаром успел выпрыгнуть. А весь груз тю-тю: ушел вместе с машиной под лед. Потом, как водится, составили акт – на севере таких случаев полно.

Водку и грузовик списали, и начальство про все забыло. Но слух об утонувшей водке с быстротой молнии разнесся по трассе, и по весне сюда потянулись желающие ее достать. Приезжали в основном моряки из близлежащих гарнизонов. Пытались вытравить груз самодельными «кошками», а самые шустрые даже спускались под-воду в «идашках». Но глубина оказалась приличной, а дно илистым. Одним словом, утерлись.

– Так она что, так здесь и лежит?, – кивнул я на прозрачную гладь озера.

– Ну да, – кивнул головой Анатолий. Тут нередко останавливаются машины. Водители спускаются вниз и пробуют воду. Авось пробки растворились.

Через полчаса, собравшись в путь, мы подошли к кромке берега и, присев на корточки, зачерпнули ладонями из озера.

– Ну, как?, – вопросительно взглянул на меня приятель, утирая губы.

– Да пока пресная, – сказал я, и мы рассмеялись...

Матросская любовь

Как говорят, «любви все возрасты покорны». Особенно, когда тебе за восемнадцать, ты моряк и служишь на подводном флоте. Вспомни старую песню –

Ты моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет,
Полюби меня моряк душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

А что тут моряк скажет, если ему трубить целых три года? Естественно полюбит. Тем более, что как говорится в старой флотской присказке, «мы пьем все, что горит и дерем все, что шевелится». Имеется ввиду, любим, конечно.

Итак, о любви!

Ну, что тут скажешь. Когда мы были в учебке, в Кронштадте, ею и не пахло. Гоняли так, что небо казалось с овчинку. И никаких увольнений. Служи, салага!

Правда, один раз, флотскую любовь нам пришлось созерцать. Причем, в самом так сказать, ее натуральном виде.

Нас, зеленых курсантов-торпедистов кронштадской школы подводного плавания, зимой регулярно занаряжали для работ на минных складах Чумного форта. Он стоял на небольшом островке в заливе и туда мы добирались по замерзшему льду. До вечера, с перерывом на обед, катали в подземных лабиринтах мины и торпеды на тележках, а потом в сопровождении дежурного старшины возвращались в свою минную школу. Форт охранялся по периметру несколькими сторожевыми вышками, на которых дежурили веселые девушки-стрелки, нередко вступающий с нашими сопровождающими в веселую перепалку.

В один из таких вояжей.

В Атомном учебном центре в Палдиски был почти рай. Но с любовью снова же туго. Девчат оказалось мало и все разобраны морпехами. Мы, было, пытались их отбить, но это ж морпехи. Безуспешно.

Но любовь все-таки нас догнала. И где бы вы думали? На действующем флоте, в Заполярье. А точнее, в славном морском городе Северодвинске, где наш славный экипаж принимал и испытывал новую ракетную подводную лодку. В то время вся наша жизнь состояла из почти непрерывных выходов в море. А в промежутках между ними погрузки на корабль ракет, торпед и многого другого, так необходимого для испытаний.

Именно в это время, мой приятель – старший матрос Саня Абрамов, познакомился с разбитной маляршей. А поскольку народу на лодке днем было что муравьев, и Абрамов был коком, встречался с ней в провизионке, где хранились замороженные свиные и говяжьи туши. В один из таких моментов Саню внезапно вызвали к старпому. Пообещав подруге вернуться через несколько минут, он закрыл ее на замок и поспешил в центральный пост. Там его чем-то здорово озадачили, и о своей пассии кок вспомнил только через пару часов. Примчавшись на место и отдраив дверь, он обнаружил девушку всю в слезах и замерзшую до посинения. На этом любовь закончилась.

Жили мы в то время в порту, на громадной плавбазе «Иртыш», где коротали время между морями и вахтами.

Как только наступила зима, и залив сковало льдом, наши старослужащие решили немного покататься на коньках, благо этот спортивный инвентарь в числе прочего на судне имелся и местными моряками почему-то не использовался. Являясь ребятами самостоятельными, они решили командование не беспокоить и в первый же выходной, после завтрака, надлежаще экипировавшись, спустились по шторм – трапу на первозданно чистый лед. Причем с борта, который был обращен в сторону моря. В числе первых были Юркин, Ханников, Осипенко и Корунский. Остальные желающие столпились у борта в ожидании своей очереди.

Сначала ребята прокатились вдоль борта судна, а затем, освоившись, заскользили в сторону фарватера.

Как только они удалились метров на сто от плавбазы, с противоположной стороны залива, а точнее с одной из сторожевых вышек, находившихся на берегу при выходе из него, стали раздаваться хлопки.

Сначала мы не поняли в чем дело, но потом сообразили, что по парням стреляют и довольно прицельно. После каждого хлопка, в десятке метрах от них взлетал в воздух раз-

дробленный лед. Поняли это и конькобежцы, которые сразу же попытались вернуться к судну. Однако это не удалось – фонтанчики льда стали взлетать перед ними. Теперь уже стреляли с двух вышек. Парням ничего не оставалось, как только залечь, что они и сделали, повалившись на лед. Стрельба прекратилась.

Мы сначала оторопели, а затем разразились угрозами в адрес хулиганов на вышках. На палубе появился дежурный с помощником, который, заорав годкам, чтоб они не вздумали подниматься, рысью убежал в рубку звонить какому-то начальству. Примерно через полчаса приехал представитель военизированной охраны, ему подчинялись стрелки на вышках, и освободил наших заложников. На борт судна они взбирались с трудом, лязгая зубами и едва передвигая ноги.

Наказывать никого не стали. Нас собрали в кубрике и провели инструктаж, из которого следовало, что появляться в акватории залива без специального разрешения строго запрещено, и палили по нашим ребятам согласно инструкции девушки-стрелки, которые будут поощрены за бдительное несение службы. На вопрос кого-то годков, откуда набирают таких шалав, воровец коротко ответил, – из Вологды.

Я тут же вспомнил один из рассказов отца о знаменитых вологодских конвоях. Перед выводом заключенных на работы они предупреждали, – шаг вправо, шаг влево -считается побег! Прыжок на месте – неповиновение власти! Конвой стреляет без предупреждения!

Эти девчата, наверное, были дочками тех конвоиров.

Начальство нужно знать в лицо

Вернувшись с обеда, старшина 1 статьи Волков удобно расположился в кресле командира БЧ* и, забросив ноги на направляющую стеллажа торпеды, застыл в блаженной истоме. С нижней палубы доносилось монотонное бубнение молодого, заучивавшего книжку «боевой номер».

– Учи, учи, карась, – благодушно подумал старшина, уставившись в подволок и шевеля пальцами в новых тапочках. Служить ему оставалось всего ничего, настроение было отличным, и Кузнецов предался мечтам о «гражданке». Однако вскоре прохладная тишина отсека нарушилась звяком переборочного люка, шарканьем ног и неразборчивыми голосами внизу.

– Опять эти «безлошадные», – неприязненно подумал старшина и покосился на мерцающие в полумраке стрелки корабельных часов. С обеда вернулся второй экипаж, третий день знакомящийся с лодкой.

– Не было печали, черти накачали, – пробурчал Волков и, опустив на палубу затекшие ноги, поковылял к светлому пятну отсечного люка. Присев у люка на корточки он тихо свистнул, и снизу на него уставились раскосые глаза вахтенного у трапа, с болтающимся на поясе штык – ножом.

– Безлошадные? – спросил у него Волков.

– Ага, – утвердительно, кивнул тот бритой головой на тонкой шее.

– Смотри за ними, что б ничего не сперли, – нахмурился старшина. ПонЯл?

– Ага, – снова сказал молодой и шмыгнул носом.

– Ну, давай, бди, – одобрительно хмыкнул Волков и, встав, вразвалку двинулся обратно.

В принципе, против моряков второго экипажа он ничего не имел, но в свое первое посещение корабля, те умудрились спереть у механиков банку припрятанной воблы, один пытался открыть в трюме клапан затопления, а самый любознательный, изучая станцию пожаротушения, стравил на среднюю палубу третьего отсека, целую гору пены.

– После Палдиски*, эти парни способны на все! – мрачно предупредил лодочную вахту на утреннем инструктаже помощник, прохаживаясь по пирсу перед строем. Того и гляди утопят нас у пирса. Так что присматривайте за ними. Понятно?!

– Точно так! – вразнобой заголосила вахта.

Размышляя, чего ожидать от экскурсантов в этот раз, Волков отщелкнул замки на одном из ящичков «зипа» и мурлыча под нос похабную песенку про Садко заморского гостя, стал готовить к вентиляции торпед запорную аппаратуру.

В это время у кормовой переборки резко звякнул стопор открытого люка, раздалось тяжелое сопение, и в пятне света возникла чья-то голова в пилотке.

Тэ-экс, – протянула она, озирая отсек – посмотрим, что у нас здесь, – и в узкое отверстие люка стала протискиваться фигура в матросском ватнике.

– Безлошадный, – мелькнуло у Волкова в голове и, оставив свое занятие, он решительно шагнул тому навстречу.

– А ну, давай двигай отсюда! – наклонившись к незнакомцу, рявкнул старшина и, упершись рукой в его голову, выпихнул моряка из люка.

– Ты что делаешь, сволочь! Стною! – заорали снизу.

– Пшел я тебе сказал! – повторил Волков и, вернувшись к торпедным аппаратам, снова принялся возиться с «зипом».

Через минуту замигал огонек «каштан» и его вызвали в центральный пост.

Там, рядом с хмурым командиром, в кресле сидел его недавний гость.

– Ты что себе позволяешь? – прошипел, глядя на Волкова командир. В дисбат захотел?!

Только теперь старшина заметил, у незнакомца под ватником синий китель и его бросило в холодный пот.

– Никак нет, – уныло ответил Волков. Я думал, что это матрос.

– Какой матрос! – рявкнул капитан 1 ранга. Это же командир второго экипажа нашей лодки, старший офицер! А ты твою мать, выпихнул его из отсека!

Михал Иваныч, – обернулся он к помощнику. Оформил этого раздолбая на пятнадцать суток. Что б служба раем не казалась.

На следующее утро, препровожденный старшиной команды на гарнизонную гауптвахту, Волков понуро стоял перед ее начальником, пожилым толстым прапорщиком.

– Чего он отчебучил? – поинтересовался тот у мичмана, прочитав записку об арестовании, с традиционной формулировкой «за нарушение воинской дисциплины».

– Да так, не узнал одного начальника, – лаконично ответил мичман.

– Непорядок, однако, старшина, – назидательно произнес прапорщик. Начальство нужно знать в лицо!, – и многозначительно поднял вверх пухлый палец.

Пояснения:

БЧ – боевая часть на корабле.

Книжка «Боевой номер» – свод инструкций по корабельным расписаниям.

Безлошадные (жарг.) – экипаж, временно не имеющий своего корабля.

Палдиски – учебный центр в СССР по переподготовке подводников.

ЗИП – комплект запасных инструментов и приборов.

«Каштан» – корабельная система связи.

Хрюнов кормили, как матросов

– А расскажу – ка я вам историю, которая случилась в период моей службы на одной из береговых баз Черноморского флота. – сказал как-то на очередной встрече, наш однокашник, капитан 2 ранга Витя Милютин,

– Она обеспечивала материально – техническими средствами бригаду торпедных катеров и организационно, как тыловая часть, входила в ее состав.

На бербазе в те далекие 70-е годы проходили службу крепкие советские парни, достигшие восемнадцатилетнего возраста и призванные из различных уголков нашей великой страны, где уже был построен социализм в целом, и мы защищали светлое коммунистическое общество.

Ежегодно, в зимний и летний периоды, командование штаба флота проводило проверку боевой и политической подготовки флотских частей.

К предстоящей проверке личный состав нашей базы готовился заблаговременно и для ее начала, командир бригады объявлял организационный период, что означало запрет выхода за пределы части, отмена увольнений и других культурных мероприятий.

Матросы и старшины денно и нощно изучали и штудировали инструкции, конспектировали работы классиков марксизма-ленинизма, материалы съездов КПСС, отработывали строевую подготовку на плацу.

Особенно им не нравилось отработывать элементы строевой подготовки по разделением и в своем кругу это называлось «гонять стручка».

Мичмана и офицеры части с подъема и до отбоя дотошно проверяли форму одежды и знание воинских уставов у своих подчиненных.

Накануне приезда комиссии, самых нерадивых матросов рассовывали в такие потайные места части, где их не возможно было найти проверяющим.

И вот долгожданный сигнал с КПП – «Едут!!!».

Все в бригаде сразу задвигалось и зашевелилось.

Командиры и старшины нервозно, доложили по команде о готовности к проверке. И не дай бог кому-то из матросов оказаться вне боевого поста!

За такое разгильдяйство его ждало жесточайшее наказание, вплоть до помещения на гарнизонную гауптвахту.

В те времена, согласно Директивам Министерства обороны СССР и соответственно указаний и распоряжений флотского начальства, в целях улучшения питания личного состава кораблей, на береговых частях и соединениях флота создавали подсобные хозяйства.

Для пополнения же запасов продовольствия, в осеннее время хозяйственники отряжали матросов, как дешевую рабочую силу, в колхозы и совхозы на уборку урожая.

И вот заходит на подсобное хозяйство бербазы проверяющий, интендантский майор, а к нему из хлева в засаленной робе и бушлате без пуговиц выскакивает наш свинарь, матрос Охалкин Серега, по кличке «Подводник». Заработал он ее за то, что регулярно подвозил на конной подводе корм и воду для свиней.

Ну, так вот, подбегает Серега, утирая сопли, к майору и докладывает, что на его боевом посту, двадцать свиней и кобыла по имени «Торпеда», на которой он завозит пищевые отходы с камбуза личного состава бригады для своих питомцев.

Прикрыв надушенным платком нос, так как от нашего свинаря шло неземное «амбрэ», майор пошел осматривать его хозяйство.

А затем спрашивает Охалкина: «Чем кормишь хрюшек? Очень уж они у тебя упитанные».

А тот отвечает: «Тем же, что и матросов!» – имея в виду отходы с камбуза.

А чем же тогда у вас кормят матросов?! – удивился проверяющий.

«Тем же, что и свиней, товарищ майор!»

Присутствующие при этом диалоге так и покатались со смеху.

Долго еще затем в базе потешались над этим случаем, даже придумали афоризм: «Матросов кормят как свиней, а свиней, как пьяных матросов».

Товарищ полковник

Комиссия по проверки боеготовности 604 береговой базы обеспечения соединения торпедных катеров работала четвертый день и здорово устала.

После обеда, по плану, проверяемым оставалось показать строевую выучку и пройти строем с лихой песней, перед командованием бригады и флотской комиссией.

И вот ее руководитель, капитан 1 ранга из оперативного управления флота, после завершения смотра решил посетить галюнь и справить малую нужду.

Входит он в казарму и дневальный матрос Шевченко выдает команду: «Смирно! Дежурный на выход!».

Проверяющий ему – «вольно!» и интересуется, – где тут у вас галюнь?

Дневальный, не покидая пост у тумбочки, показывает.

И вот, на ходу расстегивая ширинку, видать, сильно приспичило, «кап раз» трусцой вбегает в галюнь.

А там, на «толчках», со спущенными штанами, орлами восседают два молодых матроса, Ергалиев и Тумбасов.

При виде столь высокого начальства они вскочили, вытянулись и вскинули руки к бескозыркам.

А Ергалиев, выпучив глаза отрапортовал: «Здравия желаю, товарищ полковник!»

Тот в сердцах сплюнул и выскочил из галюня приговаривая, «там, где матрос, там ж..а., а там где два матроса, большая ж.. а».

После этого, как и следовало ожидать, по результатам проверки, бербазе вкатили «неуд» и объявили срок для устранения недостатков.

А Ергалиеву матросы дали кличку – «полковник».

Последний друг

После окончания Ленинградского высшего военно – морского училища подводного плавания имени Ленинского комсомола, Сергея Пыльникова, как молодого и перспективного лейтенанта, распределили на Краснознаменный Северный флот.

Флотские кадровики в Североморске усилили эту перспективу и определили место службы – гарнизон Гаджиево, 3-я флотилия ракетных подводных крейсеров стратегического значения. Выезжать немедленно, с первой оказией. Тебя, мол, там уже командующий заждался.

– Есть! – лихо козырнул Пыльников, сгреб свои немудреные пожитки и рванул в порт, ловить эту самую оказию.

Да не тут-то было. На Кольской земле объявили штормовое предупреждение «ветер раз», и все плавающее по заливу и ползущее по серпантину сопок, попряталось в укромные места.

Шторм бушевал двое суток и к месту службы лейтенант добрался на каком-то буксире поздним вечером третьего дня.

Выяснив у бдящего на пирсе морского патруля место расположения штаба флотилии, Пыльников споро двинулся к нему и через полчаса бодро карабкался по крутому трапу на борт плавказармы финской постройки, где располагался этот самый штаб.

Дежурный по соединению – хмурый капитан 2 ранга не особенно обрадовался появлению молодого дарования и долго изучал представленные тем документы.

– М-да, а еще позже вы не могли явиться? Ведь уже второй час ночи, штаб отдыхает.

– Никак нет, товарищ капитан 2 ранга, – отчеканил лейтенант, – залив был закрыт.

– Знаю, – пробурчал дежурный, – значится так. Переночуете здесь, в каюте одного из офицеров, а утром, после подъема флага, представитесь адмиралу. И надавил кнопку на пульте.

Через минуту в проеме двери возникла фигура сонного старшины, вяло козырнувшего офицерам.

– Проводишь лейтенанта в 312-ю, к Орлову, – приказал дежурный и протянул тому снятый с переборки ключ.

– Есть, – зевнул тот, – взял протянутый ему ключ и пригласил лейтенанта следовать за собой.

Они вышли из помещения дежурного, спустились палубой ниже и, поблуждав по бесконечным переходам и коридорам громадного спящего судна, очутились у двери каюты под №312.

Старшина осторожно постучал в дверь и, не дождавсь ответа, открыл ее полученным у дежурного ключом.

– Прошу вас, товарищ лейтенант, отдыхайте.

Каюта была двухместной и по сравнению с теми, в которых на курсантских практиках доводилось обитать Пыльникову – роскошной. Что-то вроде мягкого купе в поезде, но значительно просторнее, со стильным платяным шкафом, книжной полкой и щегольским умывальником.

Оглядевшись, лейтенант снял фуражку, плащ и открыл дверцу платяного шкафа. Там висела парадная форма капитана 3 ранга, а рядом потертая шинель и китель с погонами старшего лейтенанта.

– Интересно, кто же мой случайный сосед, «кап три» или всего лишь «старлей»? – подумал Пыльников.

Традиционных в офицерских каютах снимков хозяина, его «боевой подружки» и чад не было.

Да и сама каюта, при ближайшем рассмотрении казалась нежилой – книги и журналы на полке отсутствовали, туалетные принадлежности, за исключением казенного полотенца и жалкого обмылка тоже, графин для воды пуст.

Когда лейтенант, не определив, какая же койка в каюте свободна, поочередно выдвинул находившиеся под ними рундуки, там весело заблестели десятки пустых бутылок из – под горячительных напитков, начиная от марочных коньяков и заканчивая банальным портвейном «Три семерки».

– Да, – пронеслось в голове Пыльникова, – хозяин видать не подарок, с такими-то аппетитами.

Затем он отдраил иллюминатор, присел на одну из коек и, решив дождаться соседа, нервно забарабанил пальцами по пластику стола.

Через пару секунд, неведь откуда, на нем возник громадный, рыже отсвечивающий таракан, который стал неспешно дефилировать перед удивленно разглядывающим его человеком, важно шевеля усами.

Тараканов на флотских посудинах предостаточно, и повидал их Пыльников немало. Но таких не доводилось.

Вдоволь полюбовавшись на наглеца, Пыльников отпустил ему здоровенный щелчок и когда незваный гость свалился со стола, поднял того, бросил в раковину умывальника и смыл горячей струей воды. Затем вымыл руки, снял ботинки и, не раздеваясь, прилег на койку.

Когда лейтенант стал засыпать, за дверью раздались какие-то звуки – кто-то пытался открыть ее ключом и невнятно чертыхался.

– Открыто! – вскинулся с койки Пыльников.

Дверь широко распахнулась и в ее проеме возникла фигура рослого офицера. Он был в звании старшего лейтенанта, тяжело сопел и слегка покачивался.

– Ты кто? – прохрипел незнакомец.

– Лейтенант Пыльников. Прибыл для дальнейшего прохождения службы. Определен к вам на ночь.

– Пыльников говоришь?! На ночь?! Ну, добро, давай знакомиться лейтенант. Я старший лейтенант Орлов Константин Иванович. А тебя как величать?

– Сергей.

– Ну, вот и отлично, Серега. «Ленком» кончал?

– Точно так.

– Добро. Знать однокашники. Я тоже его, десять лет назад.

– ???

– Ну да, а на погоны не смотри. Был старпомом на лодке, капитаном 3-его ранга, да интриганы смайнали. Теперь старлей, команду плавмастерской. Ну, да плевать. Давай отметим встречу. У меня как раз есть с собой.

Не раздеваясь, Орлов плюхается на одну из коек, достает из кармана плаща бутылку коньяка и ударом ладони вышибает из нее пробку.

– Тащи стаканы, – тычет он в сторону умывальника, а сам достает из ящика стола вскрытую банку тушенки, несколько галет и раскученную плитку шоколада.

Разлив янтарную жидкость по стаканам, Орлов мутно смотрит на Пыльникова и со словами, – ну, будем! – выплескивает свой в раскрытую пасть. Затем крикает и с хрустом хрупает галету.

Лейтенант следует его примеру, выпивает коньяк и закусывает шоколадом.

Потом Орлов вспоминает курсантские годы и рассказывает Пыльникову о своей жизни.

– Вот так, Серега и стал я через десять лет службы старлеем и командиром на долбаной «пээмке», – заканчивает он свое повествование.

– Ни семьи, ни перспектив, ни друзей. Хотя нет, друг у меня есть. Единственный. Вот смотри.

Осоловелый Орлов вытряхивает из пустой посуды каплю коньяка на крышку стола, крошит рядом кусок шоколада, а затем начинает выстукивать пальцами частую дробь.

Проходит секунда, другая...

Ничего не понимающий лейтенант оторопело смотрит на собеседника.

А тот, продолжая стучать, ласково басит, – Яша, друг, ну где же ты, выходи!

Когда его призывы остаются без внимания, Орлов досадливо крикает и доверительно сообщает Пыльникову, что Яшка это прирученный им таракан. Большой любитель сладкого и спирта.

– Видать не проспался после вчерашнего, стервец, – умильно сокрушается старший лейтенант и снова начинает выстукивать на столе частую «дробь».

– Послушай, Костя, а он не такой, большой, рыжий и с усами? – заплетающимся языком интересуется Пыльников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.